

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ОТДЕЛЕНИЕ ИСТОРИИ

КУЛЬТУРА НАРОДОВ ВОСТОКА

Материалы и исследования

Издательство «Наука»

ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

РУКОПИСНАЯ КНИГА В КУЛЬТУРЕ НАРОДОВ ВОСТОКА

(ОЧЕРКИ.)

Книга вторая

Главная редакция восточной литературы
Москва 1988

Среди разных гор — самая высокая гора Сумеру.
Среди всех искусств — [сочинение книг]

не имеет себе равных!

Тангутские фонетические таблицы.

Предисловие

Под тангутской рукописной книгой мы имеем в виду рукописные книги на мертвом (тангутском) языке государства Си Ся, найденные в 1907—1909 гг. русским исследователем Центральной Азии П. К. Козловым в развалинах города Хара-хото. Эти книги относятся к тому времени, когда на территории современных административных единиц Китая — провинций Шэньси и Ганьсу, Нинся-Хуэйского автономного района и Автономного района Внутренняя Монголия — существовало самостоятельное государство народа ми (минья, тангутов) Си Ся (982—1227)¹.

Данная оговорка необходима потому, что в русской и европейской литературе XVIII в. нередко упоминаются «тангутские книги», на самом деле — тибетские книги, а в литературе XIX в. тангутами именуется население северо-восточных районов Тибета, в частности Амдо. Объясняется это тем, что монголы, уничтожившие государство Си Ся, называли тангутами его основное население ми (минья) и тангутами же в течение последующих веков традиционно называли тибетцев, в особенности тибетцев северо-восточных областей Тибета.

Тангутская рукописная книга бытовала в то время, когда на Дальнем Востоке и в Центральной Азии уже получило широкое распространение печатание книг способом ксилографии. Как во многих странах, и не только Дальнего Во-

¹ Уже после того как данный очерк был написан, вышла в свет книга А. П. Терентьева-Катанского «Книжное дело в государстве тангутов» [Терентьев-Катанский, 1981], в которой читатель найдет сведения как о рукописной, так и о печатной тангутской книге, и мы обращаем на нее внимание читателя как на важный источник сведений о книжном деле у тангутов.

стока, рукописная книга сосуществовала в государстве Си Ся с печатной. Главными причинами этого общего культурного феномена, на наш взгляд, были почитание и влияние традиции, в особенности религиозной, высокая стоимость печатания способом ксилографии на Дальнем Востоке и — до появления совершенных типографских станков — в Европе, несомненная самостоятельная культурная и эстетическая ценность рукописной книги, не утратившая своей значимости и в наши дни.

ИЗОБРЕТЕНИЕ ТАНГУТСКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ

Первым условием появления на свет собственно тангутской книги, несомненно, было создание тангутами своего письма. Сейчас совершенно очевидно, что тангутское письмо (или письмо Си Ся) было создано в первой половине XI в. Китайские источники, освещающие историю создания тангутской письменности, называют четырех возможных ее составителей. Судя по материалам *Ляо ши*, это был второй император Си Ся — Дэмин, по данным *Сун ши*, сын Дэмина, третий император Си Ся — Юаньхао, который в 1036 г. «сам создал тангутское письмо и приказал Ели Жэньюну упорядочить его» [*Сун ши*, с. 3786]. Кроме Дэмина, Юаньхао и Ели Жэньюна в своем сочинении *Мэнци би тань* Шэнь Ко называет также имя Ели Юйци: «Юаньхао взбунтовался. Его последователь Юйци еще до этого создал тангутское письмо. Несколько лет он одиноко просидел в башне и лишь к этому моменту (1036 г. — *Е. К.*) завершил составление письма. И тогда же он подарил изобретенное письмо Юаньхао» [*Шэнь Ко*, с. 163—164]. Таким образом, по китайским сведениям, два императора и два вельможи претендуют на честь быть создателями тангутской письменности.

Среди этих лиц явное преимущество источники отдают Ели Жэньюну. По сообщению *Сун ши*, в 1162 г. ему как создателю тангутского письма был посмертно пожалован княжеский титул. В общем авторы *Сун ши* соблюдают последовательность: вначале приписывают идею введения в стране своего письма императору Юаньхао, сообщают о его повелении конкретно воплотить идею в жизнь Ели Жэньюну, а потом указывают на Ели Жэньюна как на подлинного создателя тангутского письма. В *Мэнци би тань* назван Ели Юйци, а не Ели Жэньюн, вероятно, по ошибке — оба эти лица жили в одно время и скончались в одном и том же

Тангутская ода в честь создателя письменности — тангута по имени Ири была обнаружена и опубликована Н. А. Невским [Невский, 1960, с. 80]. Отождествляя Ели как китайскую транскрипцию имени Ири, Н. А. Невский и его коллега К. К. Флуг заключили, что именно Ели Жэньюн — создатель тангутского письма [Флуг, 1933, с. 158]. В 1968 г. я привел дополнительные данные из китайских источников, подтверждающие эту идею. Ели Жэньюн был действительно важный гражданский сановник Си Ся, близкий сподвижник Юаньхао, а Ели Юйци — человек военный, командующий армией, был казнен Юаньхао в 1042 г., став жертвой китайского оговора [Кычанов, 1968, с. 262].

Однако впоследствии американский профессор Лук Квантен попытался обосновать иную точку зрения: по его мнению, изобретателем тангутского письма был второй император Си Ся — Дэмин. Аргументация Лук Квантена сводится к тому, что Дэмин проявлял интерес к буддизму, просил из Китая буддийские тексты и контролировал такой центр буддизма, как Лянчжоу, и, очевидно, ему могла прийти мысль о необходимости введения собственного письма [Luc Kwanten, 1977]. По утверждению Лук Квантена, Ли Дэмин, «создавая единую систему письма для тангутского государства, использовал в качестве основы киданьское письмо и, возможно, также китайское. Заслуга Ли Юаньхао состоит в стандартизации используемых письменных знаков» [Luc Kwanten, 1979, с. 98].

Профессор Лук Квантен, как мы видим, не принимает во внимание тангутскую оду об учителе Ири как о создателе тангутского письма, и утверждает, что «до сих пор не представляется возможным читать тангутские тексты в каких-либо практических целях». И все же немногие подлинно тангутские источники, в которых есть сведения о создании тангутского письма, существуют, и мы обратимся к ним.

Предисловие словаря «Гомофоны» (послесловие датировано 25 октября 1132 г.) содержит пространное рассуждение о пользе письма и намеков на некие обстоятельства, которые могут быть даже истолкованы в пользу версии Лук Квантена:

«Знаки письма — средство передачи звуков. Произносятся звуки, и получают фразы. Обозревая все ценное и великое в мире, людскую мудрость и глупость, создают книги. То, что было накоплено и собрано ранее, понемногу приходит в беспорядок, после чего заново используется лишь единичное, немногое. Я сам, как другие, потерял [многое из того, что знал]. И хотя тем, кто учатся, добиваться знаний нелегко, 375

но именно благодаря им (знаниям. — *Е. К.*) есть люди, которые руководят и правят своей семьей и родней, достойные наставники, люди, способные со знанием дела служить в Императорском секретариате по управлению гражданскими делами и в Главном управлении военными делами, писать правильные и чистые по духу сочинения, собирать войска для сражений, искусно вести дела, почитать родителей и старших, быть учтивыми и вежливыми. Восточный и Южный кланы, Гхон (Во) и Пху (Пу), стали опорой Неба. Нгвем Чхя-свеу (Вэймин Дэмин), понемногу читая книги, благодаря приобретенным небольшим, но разносторонним [познаниям] учредил цензорат. И хотя мало было чиновников, подававших верные советы, но они были просвещенными и учтивыми. Восточный и Южный кланы, Гхон (Во) и Пху (Пу), велики и многочисленны, прозваны богатыми и талантливыми людьми, и из [них ныне] приглашены грамотные и верные люди. Они снова исправили то, что было смешано и запутано, и собрали, расположив по классам звуков, больших (основных) письменных знаков — 6133 и вспомогательных (поясняющих) — 6230» (Танг. 18, инв. № 208)².

В послесловии этого словаря сказано: «Ныне легко установить, что число тангутских письменных знаков возросло [по сравнению с тем], которое мы находим при царствовании предков [наших] государей».

Текст утверждает два факта — письменность была создана прежде всего для государственных, а не религиозных нужд и к 1132 г. имела свою историю, так как число знаков увеличилось по сравнению с исходным. Упоминание имени Дэмина как учредителя органа контроля — цензората — могло бы свидетельствовать в пользу версии Лук Квантена, но о том, что Дэмин заложил основы государственного управления в Си Ся, известно и из китайских источников, а тангутский текст вовсе не называет Ли Дэмина создателем тангутского письма.

В предисловии к «Фонетическим таблицам» от 1173 г. тоже говорится о значении письменности, разработки фонетики языка: «Ныне в силу наших заслуг составление „Фонетических таблиц“ своевременно и обоснованно завершено. [Они] чрезвычайно важны для государства и являются основой процветания и источником истинной мудрости. [Они] суть источник сочинения и записи сутр и законов Будды, княжеского церемониала, законодательных актов, приказов, талантли-

² Здесь и далее приводятся шифры хранения рукописей в Рукописном отделе ИВАН СССР.

вых стихов, повременных записей как о чистом (хорошем), так и грязном (плохом), светлом, [связанном со стихией Ян], и темном, связанном со стихией Инь, [записей] как о счастливых удачах, так и о бедствиях, [источник] сочинения трудов монахов, ищущих спасения в дхарме, сочинения чистых церемониальных песнопений дхармы и составления списков [людей и имущества]. Их можно сравнить с Великим морем, глубоким и безбрежным, вбирающим в себя все реки, неусыхающим и переполняющимся. [Они] имеются у всех, кто ищет их или желает пользоваться ими, и при солнечном и при лунном свете все приобретают знания. Среди разных гор — самая высокая гора Сумеру. Среди всех искусств — [сочинение книг] не имеет себе равных! Среди всевозможных сокровищ — литература наивысшая драгоценность!» (Тант. 22, инв. № 620).

Как широко и четко очерчен круг использования письмен! Какой поэтический гимн значению письма в жизни человеческого общества и роли культуры! Но мы в этом тексте не встречаем и намека на имена тех, кто одарил тангутов радостью пользования письмом.

Можно с большой долей вероятности думать, что вопрос о создателях тангутского письма в тангутских сочинениях XII в. обходился сознательно. Прочитаем предисловие к тангутскому словарю «Разные письменные знаки, классифицированные по трем разделам»:

«Ныне употребляемые письменные знаки явились предкам [народа] ми (тангутов) с помощью прекрасного Неба. Взяв знаки трех Небес, а именно „золото“, „дерево“ и „железо“, сделали [их] главными. [Знаки] „небо“, „земля“, „ветер“, „вода“ [также] взяты и выделены особо. [Письмо] оказывает помощь в разных делах со всякими различными ценностями. Однако, поскольку впоследствии были неполные [написания знаков] и пропуски, несоответствия правильной, стандартной форме знаков, а также для того, чтобы все могли изящно выражать свои мысли, как в стихах и одах *фу* и *цы*, великие сановники, исполненные милосердия, вывели чтения [знаков], собрали старые и новые [знаки], исправили [их] произношение в ровном и восходящем тоне. Люди страны должны с любовью учиться правильно [писать и читать], избегать пагубы дурных слов. В отдаленных селениях люди весной пахут землю, светлым летом усиленно работают на прополке полей, осенью косят и жнут, а зимой [все равно] нищенствуют. Во все прекрасные времена года у этих [людей], не имеющих досуга, разве есть свободное время, чтобы еще и выучить сокровенный смысл письмен? Из сострадания

к этим невежественным людям я лично собрал самые жизненно необходимые [письменные знаки] и составил [книгу] „Разные письменные знаки, классифицированные по трем разделам“, где они систематизированы по трем разделам. Когда знающие письменность благородные мужи посмотрят на эти письма, то не смогут не понять мое намерение позаботиться о письме. Если же обнаружится что-то недостающее или что-то лишнее, то после люди смогут сами дополнить или сократить [эту книгу]» (Танг. 23, инв. № 2535).

Итак, по уверению автора словаря, тангутские письма были дарованы предкам тангутов Небом. Эта же идея повторяется в оде в честь создателя тангутской письменности учителя Ири:

[В] нашей стране — муж благородный Ири.
В небе — звезда писмен на востоке явилась.
Следуя вместе с письменными знаками,
Запад осветила.

(Танг. 25, инв. № 121)

Наконец, в предисловии к «Лотосовой сутре» названо имя императора, при котором было создано письмо: «Эта сутра была рассказана в Индии и в конце концов передана в государства Востока. При императоре [Яо-цин] династии Цзинь Лоши перевел сутру [на китайский язык]. После этого по указанию, [данному] в своей стране императором Лэкуй-вэй, тангуты, установив законы и создав письмо, перевели сутру. <...> Предшествующими поколениями сутра переводилась много раз. <...> Ныне унаследовавший княжеский престол священномудрых предков, почитающий Три Сокровища <...> выступил как Великий заказчик. Еще и месяц не переменил лик, как перевод, исполненный священномудрой рукою, был закончен от начала до конца и распространен в государстве» (Танг. 218, инв. № 6253).

Недавняя публикация китайских тангутоведов позволяет точно установить, кто был назван «императором Лэкуй-вэй». В послесловии к переведенной с китайского языка сутре *Го цюй чжуан янь це цянъ фо мин цзин* юаньского издания содержится краткая история перевода буддийского канона на тангутский язык: «Император-Ветер (Лэ) государства Ся, заново восприняв и возвысив права этикета, законы и добродетели (силу дэ), в год под циклическими знаками *у-инь* (1038 г.) приказал перевести буддийские сутры на тангутский язык наставнику государя Бай Фа-синю и *хоу-бинь-дэ суй чэнь* Чжи Гуану, которые, вначале первый, а потом второй, возглавили группу [переводчиков] в 32 человека» 378 [Ши Цзинь-бо, 1981, с. 72]. Поскольку 1038 год, указанный

в этом послесловии, приходится на период правления Юаньхао, не остается сомнений в том, что «император Лэкуйвэй» и есть император Юаньхао.

Таким образом, все доступные нам тангутские источники приписывают сам факт появления письма небесной благодати, рассматривают его как дар Неба, указывают, что письмо было создано по указу императора с именем Лэкуйвэй (Юаньхао), и только ода о создателе тангутской письменности упоминает благородного мужа Ири в качестве наставника трех тысяч учеников, овладевших дарованным Небом письмом. Это свидетельствует о том, что к середине XII в. история появления самобытного тангутского письма была или все еще табуирована, или попросту неясна широкому кругу лиц. Совсем необязательно, что она была забыта. Возможно, ее намеренно скрывали, чтобы приписать заслугу императору, а не подлинному создателю. Это, по нашему мнению, и привело к тому, что и китайцы по-разному осветили историю создания письма.

Думается, что роль императора Юаньхао в действительности свелась к роли организатора и вдохновителя этого дела государственной важности. Письмо составляли и упорядочивали грамотные и ученые люди, целью этой работы было введение законов и делопроизводства для нужд государства. Подчеркнем, что эта работа, наверняка многолетняя, могла вестись как в последние годы правления Дэмина, так и в первые годы правления Юаньхао, поэтому и современники и потомки затруднялись назвать подлинного вдохновителя создания письма. Один из ученых людей, реальных «сочинителей» письма, происходил из старого тангутского рода Ели (Ири). Автор данного очерка сохраняет свою прежнюю точку зрения и считает, что «учителем Ири», благородным мужем Ири был сподвижник Юаньхао — Ели Жэньюн. Один ли он изобрел письмо, мы не знаем. Он упорядочил его, обучил этому письму чиновников, ввел его в обиход. Позже письмо упорядочивали еще не раз, о чем красноречиво свидетельствуют цитированные выше тангутские тексты.

Итак, в первой половине XI в. было создано оригинальное по форме тангутское письмо, окончательно введенное в употребление в 1036 г. в ходе административных реформ Юаньхао. Тангутская письменность была создана по образцу китайской иероглифики. Многие графические элементы тангутского письма являлись умелым и хитроумным преобразованием графических элементов китайской письменности, возможно не без влияния киданьского письма, в свою очередь также восходящего к письму китайскому.

Следуя принципам, положенным в основу иероглифики, прежде всего идеограмм (*хуэйи*) и фонограмм (*синшэн*), тангуты создали около шести с половиной тысяч знаков. Тангутский письменный знак мысленно вписывался в квадрат, тангуты писали сверху вниз справа налево, во всем подражая китайскому способу размещения текста на бумаге.

Следовательно, после 1036 г. тангуты могли фиксировать с помощью своего письма собственный язык, писать на нем деловую корреспонденцию, светские и религиозные книги.

МАТЕРИАЛЫ ДЛЯ ПИСЬМА

Вторым условием бытования тангутской рукописной книги являлось наличие материала для письма. Таким материалом служила бумага. В Китае принято считать, что бумага была изобретена в 105 г. н. э.³ В 1957 г. во время раскопок в провинции Шэньси обнаружена бумага, датируемая II—I вв. до н. э. Как показали анализы, она была изготовлена из волокон конопли. Близкой к ней по составу оказалась и бумага из Дуньхуана, датируемая VI—VII вв. [Лю Жэньгуан, 1976, с. 74]. По заключению Пань Цзи-сина, «на протяжении более тысячи лет, от Хань до Тан, большую часть бумаги, используемой в нашей стране, составляла бумага из конопли». Среди бумаг из Дуньхуана бумага из волокон конопли занимает от 80 до 90% [Пань Цзи-син, 1977, с. 51]. В современном Си Ся сунском Китае начали изготавливать бумагу из луба шелковицы и бамбука. Сунский Китай уже знал вошеную бумагу [Фан Хао, с. 123]. Т. Ф. Картер указывает, что в бумаге из Северного Китая и Восточного Туркестана содержится значительное количество растительных волокон, это объясняется использованием ветоши и тряпья в качестве сырья [Carter, 1955, с. 3]. Тангутская бумага, на которой создавалась тангутская печатная (ксилографированная) и рукописная книга, вся была также изготовлена из тряпок и ветоши. Мы опираемся на результаты анализа, выполненного во ВНИИ бумажной промышленности (Ленинград) в 1964 г. Как показал анализ отобранных 20 образцов, которые отличались цветом, плотностью, наличием видимых

³ Полагают, что из ойкумены китайской культуры бумага попала в VIII в. к арабам, а от них распространилась на Запад. Примерно 800 г. датируется первая греческая бумажная рукопись, созданная не в Византии, а в Дамаске; в Византии же бумага появилась не позднее XI в. 1109 г. датируется древняя бумажная грамота в Сицилии, в XIII в. бумага появляется в Германии.

вкраплений волокон, твердостью или мягкостью и т. п., бумага изготовлялась из разного сырья и отличалась по качеству.

1. Бумага из льняной и хлопчатобумажной тряпичной полумассы⁴:

Образец № 1. Светло-серая, плотная, лощеная бумага с крупными волокнами. Частота сетки — 7 линий на 1 см⁵.

Образец № 2. Светлая, почти белая, хорошо лощеная бумага, более высокого качества, чем образец № 1. Частота сетки — 7—8 линий на 1 см (линии плохо просматриваются). Такая бумага использовалась для светских книг и буддийских рукописных книг высокого качества.

Образец № 4. Белая или почти белая, хорошо лощеная бумага хорошей выработки, без крупных волокон, с затемнениями, где бумажная масса и волокна более сгущены. Частота сетки — 8 линий на 1 см.

Образец № 6. Серая или светло-серая, очень тонкая бумага с включением крупных волокон, близка к образцу № 1. Частота сетки — 7 линий на 1 см (линии четкие). В основном употреблялась для документов.

2. Бумага из льняной полумассы с примесью пенькового волокна:

Образец № 5. Светло-серая или почти белая бумага (всегда следует учитывать естественное потемнение от времени). Частота сетки — 7 линий на 1 см (линии четкие). Мягче и чуть тоньше, чем бумага образцов № 1, 2, 4.

3. Бумага из хлопчатобумажной тряпичной полумассы:

Образец № 16. Светлая, хорошего качества, плотная, даже, можно сказать, толстая бумага без грубых примесей волокон. Частота сетки — примерно 7 линий на 1 см.

4. Бумага из хлопчатобумажной тряпичной полумассы с верхним слоем из шерстяных волокон:

Образец без номера. Светло-серая или почти белая, плотная и мягкая бумага, близкая к образцу № 16, без грубых волокон. Частота сетки — 7 линий на 1 см. Примесь шерстяных волокон внешне незаметна.

⁴ Следует подчеркнуть, что, по данным анализов, древняя ближневосточная и европейская бумага тоже изготовлялась из льняных тряпок.

⁵ Поскольку речь идет о сетке, пересечениях линий, то заметим, что в старом Китае для изготовления сеток обычно использовался конский волос [Пань Цзи-син, 1977, с. 51]. В европейской бумаге, где сетки с давних пор были из проволоки, принято различать горизонтальные, видимые на свет линии сетки — вержеры и вертикальные — понтюзо. На тангутской бумаге видны только вержеры, была ли там сетка из пересечения линий — нам неясно. Плохая различимость понтюзо вообще отмечается как особенность восточной бумаги.

Размером рамы, на которую наливали размолотую волокнистую бумажную массу, предварительно сваренную с золой, определялся размер бумажного листа⁶. Встречаются следующие форматы листов тангутской бумаги: 26,5×40,5; 22,3×44,6; 30×45; 32,5×50; 19,5×54,5; 19×55; 23×62,5; 19×66; 20,5×68; 22×68 и 34×78,5. Возможно, данный перечень не является исчерпывающим, но из него видно, что длина листа тангутской книги колебалась от 40 до 80 см, а ширина — от 19 до 35 см. Эти размеры близки к северосунским и даже превышают их.

Писались тангутские тексты тушью и очень редко — как правило, отдельные строки или несколько строк — кинварью. Тушь к XI в. была давним китайским изобретением. Она изготовлялась из так называемой ламповой сажи — в сосуд с маслом опускался хорошо горящий фитиль, сверху его прикрывали железной воронкой. Копоть, обильно оседавшую на воронке, счищали и смешивали с раствором камеди или клейковины до получения пасты, которую затем раскладывали по небольшим формам. Подобный же состав имели и античные чернила, которые тоже изготовлялись из смеси сажи с камедью (вишневым клеем).

Тангуты писали кистью и, может быть, каламом. Определить, каким орудием письма написан тот или иной текст, как это оказалось осуществимым, например, для текстов монгольских [Кара, 1972, с. 110], мы не можем. Рисунки тангутских писцов с орудием письма в руках нам тоже неизвестны. Кисть как орудие письма упоминается в тангутских текстах.

ФОРМЫ ТАНГУТСКОЙ РУКОПИСНОЙ КНИГИ

В зависимости от способа брошюровки различаются четыре основные формы тангутской рукописной книги: 1) книги-свитки, 2) книги-гармоники, 3) книги-потхи и 4) книги-кодексы, состоявшие из отдельных сфальцованных тетрадей, переплетенных различным способом вместе.

Книги-свитки представляли собой простейшую и древнейшую форму книги. Листы бумаги, чаще всего стандартного

⁶ Китайские авторы приводят следующие средние размеры листа бумаги для I тысячелетия н. э.: древняя бумага — 10×10 см, династия Цзинь (265—419) — 25×38 см, династия Тан (VII—X вв.) — при разной ширине длина листа до 48 см, северосунская бумага (XI в.) — 30×45 и 33×58 см [Лю Жэнь-гуан, 1976, с. 78]. Формат листа ранней европейской бумаги — 28×45 см, т. е. примерно танский, что и соответствует времени проникновения бумаги на Запад.

размера, склеивались последовательно в длинную ленту. Первоначальный, основной текст писался на одной, внутренней стороне ленты справа налево. Левый конец свитка аккуратно наклеивался на деревянную или камышовую палочку, концы которой иногда могли равномерно выступать с верхней и нижней стороны бумажной ленты. Книга-свиток сворачивалась слева направо, от окончания текста к его началу. К началу текста приклеивался или лист плотной бумаги вместо обложки (он мог быть склеен из нескольких тонких листов, наложенных друг на друга), или бумажный лист с наклеенной на него (с наружной по отношению к тексту книги стороны) хлопчатобумажной или шелковой тканью. К краю ткани пришивали длинную тесьму. Свернутый в рулон текст заворачивался в такую обложку и перевязывался тесьмой. Сверху на обложку нередко наклеивался ярлык с кратким или полным названием сочинения.

Текст на бумажной ленте писался обычно на определенном расстоянии от верхнего и нижнего края листа. Эти отступы образовывали верхнее и нижнее поле, которые чаще всего были отделены от текста горизонтальными линиями. Вертикальные строки текста нередко имели графление, возможно, разбавленной тушью. Текст начинался с названия сочинения, имени автора, переводчика (если произведение было переведено на тангутский язык с китайского, тибетского или санскрита), редактора (если таковым был император). В конце, как правило, название сочинения повторялось, затем указывались заказчик книги (переписки текста), переписчик, а также время завершения переписки (год, месяц, день), стояли отметки о сверке текста, иногда с указанием имен сверщиков.

Думается, что текст книги-свитка совсем необязательно писали после склейки листов. Листы стандартного формата заполняли текстом последовательно, а затем уже склеивали. Доказательством этому являются последовательно пронумерованные листы в рукописях. Так, в книге-свитке с текстом буддийского сочинения (Танг. 96, инв. № 4584) каждый лист длиной 54,5 см пронумерован по-китайски, начиная с л. 14 (первые 13 листов не сохранились). Всего свиток длиной 16 м был склеен из 31 листа, сохранились лишь 10 м этого свитка. Чаще всего для книг-свитков употреблялись листы длиной 45, 50, 53—55, 61, 74—79 см. Общая длина книги-свитка 15—20 м — не редкость: книга-свиток под шифром Танг. 99, инв. № 5922 имеет длину 15 м, Танг. 300, инв. № 4925 — 20 м и т. д. Нередко книга-свиток содержала только главу сочинения. Для того чтобы записать все сочинение, 383

требовались десятки и сотни метров бумажной ленты. От буддийского сочинения под шифром Танг. 100 сохранились лишь главы 6, 8, 9, 11, 12, 16. Общая длина книг-свитков с этими главами — более 80 м.

Ширина свитка чаще всего колеблется в пределах 20—30 см. Отметим одну широкую книгу-свиток — 39 см (Танг. 119, инв. № 899). Сохранился фрагмент 39×300 см. Эта книга-свиток вообще отличается нестандартным исполнением. Текст обрамлен трехполосной цветной рамкой (полосы коричневая, черная, зеленая), название сочинения в отступление от правил написано с наружной, а не с внутренней стороны листа, близко к самому правому краю, и его было видно тогда, когда свиток был свернут. Графление строк сделано не тушью, а простыми сгибами листа.

Прочно связанная с традицией, прежде всего религиозной, буддийской для Си Ся, тангутская книга-свиток и была по содержанию в подавляющем большинстве случаев буддийской. Это был или канон в тангутском переводе, или комментарий на него. С религиозной традицией были связаны и некоторые ритуальные обрядовые тексты, необязательно буддийские, также представленные в книгах-свитках. Приведем для примера отрывок из книги-свитка под шифром Танг. 52, инв. № 4521 «Важнейшие сведения о молении о дожде» (1)⁷:

«Если, выбрав подходящий момент и место, ради всеобщего блага и по многочисленным просьбам желают молить у Небесного князя дождь, то извлекают всех драконов, приносящих дождь, из места их обитания и помещают в центре установленного ограждения. Для этих, что добыты, прежде всего сооружают ступенчатый жертвенник. В центре рисуют восемь лепестков чистого цветка (лотоса), затем, связав восемь больших ванов-драконов, сооружают дворец Победы. Вслед за этим среди рисунков, изображающих море и облака, рисуют все существа, относящиеся к воде, и затем в конце все-таки окружают и укрепляют [их] бесчисленным количеством дождевых облаков. В центре белым пишут иероглиф „корень“, „исток“ и, приговаривая: „Во благо!“, в соответствии с правилом ставят чистый сосуд в центре алтаря, а на окружающем пространстве размещают ветви ивы и плодовых деревьев, а также деньги, [вырезанные] из бумаги. Затем возжигают три белых и три сладких цветочных аромата и

⁷ Цифра в скобках указывает на порядковый номер данного названия в списке тангутских написаний имен, терминов, названий сочинений, отрывков из этих сочинений, который приводится в конце тома.

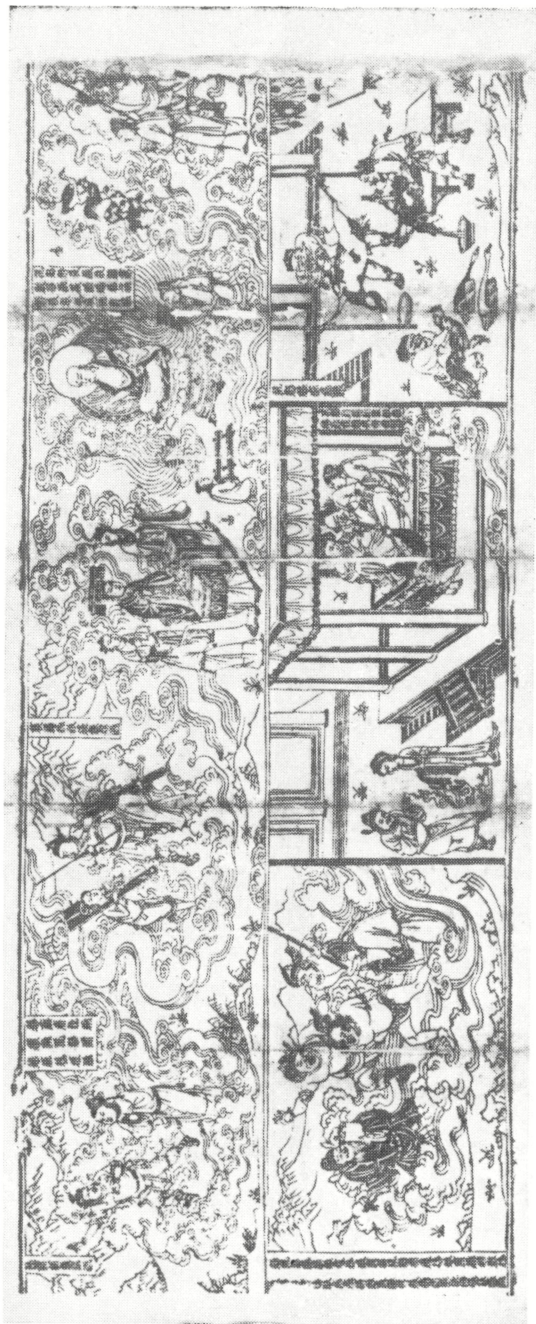

Рис. 29. К статье Е. И. Кычанова. Гравюра-иллюстрация к предисловию сутры «Золотой блеск» (XII в.).
Тамб. 376 (95)

Рис. 30. К статье Е. И. Кыянова. Фрагмент гравюры к сутре «Золотой блеск». Сцена «Грешники». Тапг. 376 (95)

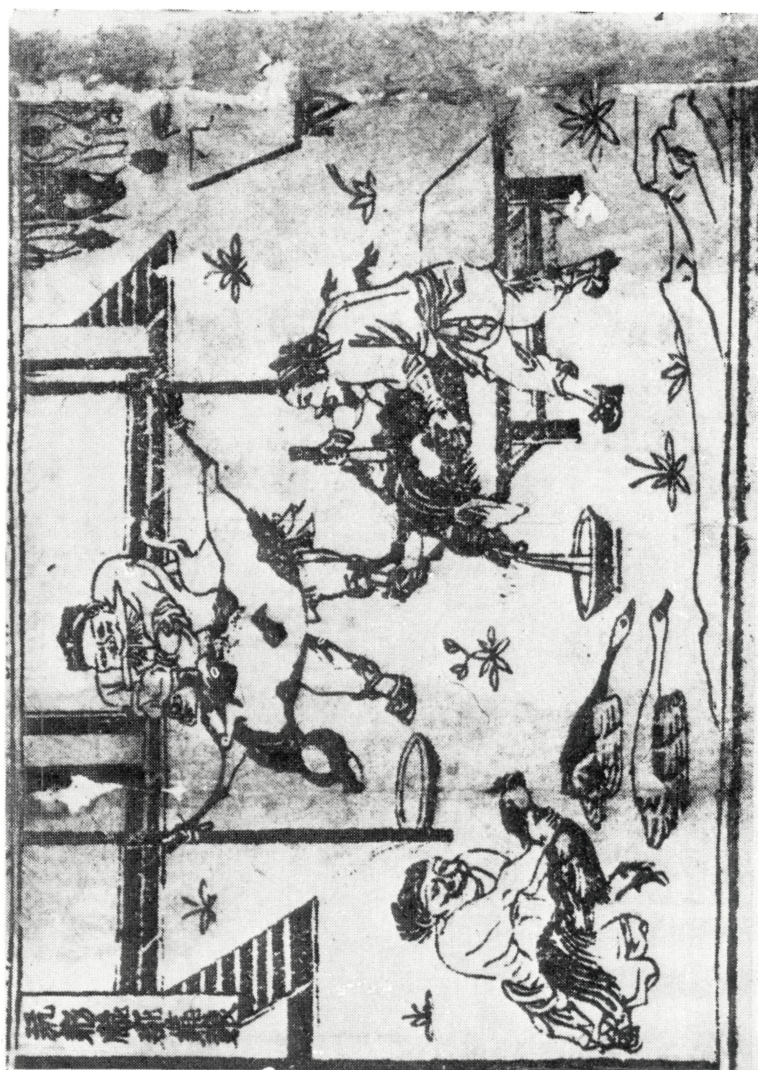

Рис. 31. То же. Сцена «Мясники»

Рис. 33. К статье Е. И. Кычанова. «Фонетические таблицы тангутского языка». Руконь XII в. Танг. 623, л. 116—126

делают подношения разными ароматными, съедобными плодами-фруктами. После этого в чистый сосуд и на находящиеся в центре восемь лепестков призывают и вмещают силу роста, цветения и изобилия Небесных князей. После на Змеиные ворота и имеющих в числе прочих восемь великих ванов-драконов по правилу призывают и вмещают силу роста, цветения и изобилия. Вслед за этим, воздавая хвалу великой мудрости всех ванов-драконов, молят о дожде». Далее говорится, что просьба должна быть повторена два-три-четыре раза, моление о дожде желательно производить в 7, 14, 21-й дни месяца и все это гарантирует дождь и урожай.

Животворящая сила Неба и соответственно Небесных князей-ванов, драконы, цветок лотоса, ива, существа и растения, связанные со стихией воды, — все это представления, издревле свойственные китайской культуре, вместе с тем, наверное, и давно слившиеся с культурой тангутской, древним тангутским культом Неба, лотосом — священным цветком буддизма, драконами — представителями подземного и водного царства. Море, дождевые облака, существа, связанные со стихией воды, — все это должно было благодаря магической силе родства явлений вызвать появление реальных дождевых облаков на Небе и обрушить на землю желанное море дождя. Плоды и фрукты, плоды дождя, содействовали произрастанию обильного урожая, а бумажные деньги символизировали то богатство, которое этот урожай обещал.

К ритуальным текстам может быть отнесена книга-свиток Танг. 47, инв. 4924 «Сочинение, содержащее важнейшие вопросы и ответы об избавлении от демонов», книга оберегов (2), и сочинение учителя Юэло (3) — Танг. 59, инв. № 4841. Приведем еще в качестве примера «Оберег от болезней»: «Поклоняемся всем Верховным наставникам. Проситель сжимает левую руку в пригоршню. В середине месяца воссоздает в памяти какой-нибудь алтарь (жертвенник). На нем на пяти чисто-белых спицах среди того, что пяти белоцветным яшмам подобно, вспоминает пять письменных знаков: *сёу* (4), *ха-ха* (5), *хум-хум* (6). Когда в центре между знаками *ом* (7) и *хум* (6) будет вызвано в воображении имя того, кто просит его оберечь, то, направленное вместе с рукой этого больного человека, [оно], очистив тело больного человека и освободив его от болезней, все зло искоренит, а человек, думая о том, что он уже подобен выздоровевшему, должен сто раз прочитать заклинание».

Известны и немногие примеры книг-свитков светского содержания. К числу таковых относится уже описанная в литературе книга-свиток с фрагментом военного трактата Сунь

цзы, крупнейшего военного теоретика древнего Китая⁸. Примером книги-свитка светского содержания является и свиток под инвентарным номером 5936, сохранившийся лишь фрагментарно. Свиток представляет собой какое-то руководство по фонетике (возможное название сочинения — «Об обучении основам речи по группам [слов], размещенных по инициалам и рифмам»). Наконец, в форме свитка был переписан словарь «Море письмен» (инв. № 4153, 8179), сохранившийся также во фрагментах.

Логическим развитием книги-свитка явились книги-гармоники, очевидно известные только на Дальнем Востоке и в Центральной Азии. На возможную связь книг-гармоник с книгами-потхи указывает Д. И. Кара. Книга-гармоника, пишет он, «состоит из одного длинного листа бумаги, сложенного „гармоникой” таким образом, что его поля имеют формат „пальмовых листьев”: ширина бумаги остается неизменной и совпадает с длиной „пальмового листа”, а бывшая длина разделяется на короткие полосы, образуя ширину „пальмового листа”» [Кара, 1972, с. 119—120]. Вместе с тем книга-гармоника могла быть естественным развитием желания преодолеть существенный недостаток книги-свитка — если нужно было прочесть что-то в середине и тем более в конце текста свитка, то следовало разворачивать весь свиток, а это могло быть и 10, и 20, и 30 м. Книга-гармоника представляла собой длинную бумажную ленту, склеенную из равновеликих листов и сложенную в виде гармоник — такую книгу уже можно было листать. Если текст книги вначале писался на отдельных листах, а потом склеивался, то листы, как и в книге-свитке, нумеровали. Так, в книге-гармонике под шифром Танг. 61, инв. № 730 бумажная лента была склеена из листов длиной 64,5 см. Такой лист сгибался, образуя шесть страниц книги-гармоники, и каждый лист у места склейки пронумерован по-китайски, сохранились листы 52—55. В книге-гармонике под шифром Танг. 74, инв. № 34 листы пронумерованы по-тангутски, причем с указанием и главы сочинения: «2-я [глава, лист] 4» (8), «2-я [глава, лист] 5», «2-я [глава, лист] 6», «2-я [глава, лист] 7» и т. д. В книге-гармонике Танг. 74, инв. № 35 место склейки листов помечено особым

знаком

Книга-гармоника могла иметь отграфленное поле и граф-

⁸ В статье об этой книге К. Б. Кепинг заключает, что текст рукописной книги и текст, изданный ксилографически, были «вариантами одного и того же перевода» [Кепинг, 1977, с. 165].

ление листа (страницы) на строки. К книге изготовлялась обложка, обычно из-за отсутствия картона основа ее была из нескольких склеенных листов тонкой бумаги, практически всегда уже использованной (в одном случае [Танг 218, инв. № 64] в обложку вклеена белая ткань). Сверху обложка оклеивалась шелком или холстом. Первый и последний листы книги-гармоники подклеивались соответственно к первому и последнему листу обложки (этим книга-гармоника также отличалась от книги-свитка, у которой обложка прикреплялась только к началу текста). На обложке было два сгиба — средняя часть обложки равнялась величине листа книги-гармоники, левая, к которой крепился конец книги, обычно была чуть меньше листа книги или равна его величине и охватывала книгу слева направо, прикрывая ее спереди. Правая часть обложки, к которой крепилось начало книги, охватывала книгу справа налево, она, как правило, была меньше листа книги, составляя от $\frac{1}{3}$ до $\frac{3}{4}$ листа, и также закрывала лицевую часть книги, покрывая часть и левой трети обложки. На наружной ее стороне в левом верхнем углу обычно была наклейка с рукописным или ксилографированным, часто неполным названием сочинения (см., например, Танг. 74, инв. № 2863).

Отличный экземпляр книги-гармоники представляет собой книга под шифром Танг. 165, инв. № 150. Это одно из немногочисленных сочинений, переписанных по заказу (или принадлежащих) императрице Ло, вдове императора Жэньсяо и матери императора Чунью, о чем свидетельствует красная печать на книге. В книге 42 листа и 2 листа гравюры, 6 строк по 17 знаков в строке. Бумага хорошего качества. Формат листа — 31×12 см. Четкий, красивый почерк. Поля отграфлены двойной рамкой, наружная линия широкая, внутренняя — тонкая. Верхнее поле — 4 см, нижнее — 3 см. Обложка книги не сохранилась.

Один из списков «Махапраджняпарамита-сутры» — это также книги-гармоники небольшого формата ($28,5 \times 13,5$ см, 6 строк по 18—20 знаков без графления строк и полей), в синих матерчато-«картонных» обложках. На верхнем отвороте обложки в левом верхнем углу — наклейка с ксилографированным текстом краткого названия сутры и указанием цзюани: «Сутра Великой праджни, цзюань 1-я», ниже желтой краской «шифр» книги, ее маркировочный знак, отмечающий место данного раздела в общем тексте сутры. Между обложкой текста, с ее внутренней стороны, и текстом вклеена гравюра с изображением Будды, излагающего учение о праджне.

Самая маленькая книга-гармоника в нашей коллекции имеет формат 4×3,6 см (Танг. 158, инв. № 783).

Среди рукописных книг-гармоник тангутской коллекции есть любопытная книга (Танг. 144, инв. № 809), сброшюрованная гармоникой, небольшого формата (11×13 см), сшитая потом в тетрадь — сложенная гармоникой бумажная лента сшита у правых сгибов толстой желтой ниткой.

По содержанию книги-гармоники исключительно книги буддийские, в основном это сутры. Ни одной книги-гармоники светского содержания нам в тангутской коллекции ЛОУ ИВАН не известно.

Точно так же книгами исключительно буддийского, религиозного содержания являются книги-потхи⁹. У тангутов книги-потхи, естественно, писались только на бумаге. Формат их чаще всего соответствовал формату вырабатываемого бумажного листа, обычно слегка подрезанного, подровненного по краям. Поскольку толстую бумагу тангуты вырабатывать не умели, а тонкий лист для книги-потхи не годился, так как он сгибался и сворачивался в трубку, то листы тангутских книг-потхи обычно клееные, т. е. составленные из нескольких (трех-семи) тонких листов бумаги. Различаются лицевая и обратная сторона листа. И та и другая сторона заполнялись текстом, могли иметь рамку для текста, поля — верхнее, нижнее, справа и слева (или только верхнее и нижнее) — и графление для строк, всегда вертикальных, идущих сверху вниз, справа налево. На лицевой стороне листа, на правом поле мог стоять порядковый номер листа в книге, иногда сокращенное название сочинения и маркировочный знак, указывающий место данного раздела в больших по объему сочинениях. Левое поле листа с лицевой стороны оставалось незаполненным, точно так же как и поля с обратной стороны. Листы складывались один на другой, сверху было начало книги, внизу — ее окончание, пагинация поглавная.

Между собой листы книги не скреплялись. Прочитав лицевую сторону листа, читатель переворачивал его и читал обратную. Таким образом он прочитывал всю книгу, складывая листы один на другой, и книга оказывалась перевернутой: начало внизу, а конец сверху. Автор данных строк уверен, что такие книги хранились в футлярах или, что, может быть, более вероятно, судя по тибетскому и монгольскому примерам, книга помещалась между двух деревянных досок-обложек и связывалась либо ее заворачивали в ткань.

⁹ Этот способ брошюровки был заимствован в Китае и Центральной Азии из Индии. Об индийской книге-потхи см. очерк М. И. Воробьевой-Десятовской «Рукописная книга в культуре Индии» в настоящем томе.

Никаких следов футляров или оберток для тангутских книг-потхи мы не имеем. Ясно и то, что эти громадные книги требовали особого хранения. Приведем примеры размеров книг-потхи. Мы располагаем двумя списками сутры «Суварнапрабхаса» в форме потхи: первый список — формат листа 21×46 см, 33 строки текста по 13 знаков, второй список — 21×32 см, 23 строки по 12 знаков в строке (Танг. 376). «Махаратнакута-сутра» также имеется в двух списках в книгах-потхи: первый список — формат листа $19,5 \times 54,5$ см, 29 строк по 13 знаков, второй список — $32,5 \times 50$ см, 21 строка по 19 знаков в строке. Рукопись сутры *Да фан гуан фо хуа янь цзин* имеет форму потхи, размер листа — 22×68 см. Таким образом, все тангутские книги-потхи — это книги больших размеров, точно таких же, как, скажем, пекинские издания буддийского канона на монгольском языке XVIII в. ($27,7 \times 71,7$ см.).

Среди тангутских рукописных книг мы находим только две книги-потхи небольшого формата. Это сутра (9), хранящаяся под шифром Танг. 159, инв. № 5654. Размер листа — $10 \times 21,5$ см, верхнее и нижнее поле по 0,9 см, боковые поля по 1 см, на листе 15 строк по 11 знаков. На правом боковом поле лицевой стороны листа — два знака (10) из полного названия сутры и пагинирующий знак. Формат листа второй книги-потхи (Танг. 83) — $8,5 \times 25$ см, 17 строк по 7 знаков. Строки графлены киноварью, киноварью очерчены и рамки (верхнее поле — 0,8 см, нижнее — 1 см, боковые — по 1,5 см). Этот экземпляр также любопытен тем, что сокращенное название сочинения из двух знаков пишется справа на лицевой стороне листа, а пагинация проставлена на оборотной стороне листа, т. е. допущены известные отступления от стандарта. Книги-потхи малого формата стали позднее массовой тибетской и монгольской книгой.

Книги-кодексы¹⁰, обычно обозначенные в инвентарных

¹⁰ Книги-кодексы появились в Средиземноморье вместе с началом употребления в качестве писчего материала пергамента. Пергамен легко поддавался фальцеванию, т. е. сгибался не ломаясь. Папирусная книга брошюровалась чаще всего в книгу-свиток, ибо папирус был хрупок, а книга из пергамента брошюровалась в форме книги-кодекса, составленной из отдельных сфальцованных тетрадей, переплетенных вместе. Кодексами по-латыни первоначально назывались *церы* — покрытые воском и соединенные вместе таблички, на которых писали римляне. Предназначались они прежде всего для черновых записей. Позже кодексами стали называться книги, сборники законов. Не исключено, что книга-кодекс пришла на Дальний Восток с Запада. Как отмечает исследовавшая этот вопрос М. И. Демидова, «эта удобная форма книги, по свидетельству дуньхуанских материалов, стала распространяться в Китае с VIII в.» [Демидова, 1974, с. 17].

книгах тангутского фонда Рукописного отдела ЛО ИВАН как книги-бабочки или книги-тетради («брошюровка по образцу европейской тетради»), на деле отличаются большим разнообразием способов брошюровки [Терентьев-Катанский, 1977, с. 167—168]. Не претендуя на исчерпывающее их описание, мы выделим по крайней мере следующие.

К первому типу книг-кодексов можно отнести те, которые в литературе именуются «сунской книгой-бабочкой». Листы бумаги формата будущей книги складывались пополам по вертикали. Затем эти листы накладывались друг на друга и в месте их сгиба склеивались или сшивались. Такова, например, книга под шифром Танг. 103, инв. № 2555, состоящая из сложенных пополам по вертикали листов. Текст писался только на внутренней стороне листа. Листы все вместе по сгибу могли быть обклеены полоской бумаги и сшиты, но не по сгибу, а по этой полоске (например, Танг. 49, инв. № 6500, нитка сшива светло-зеленая, с вплетением золотой нити). Если книга была не очень объемной (это относится и к склеенным образцам), то она сшивалась изнутри по месту сгиба, так, как скрепляются современные школьные тетради. Швы делались по краю листов, по полю (например, Танг. 35, инв. № 3787), но чаще всего в середине сгиба по внутренней стороне. В этом случае сложенные пополам листы не накладывались друг на друга, а вкладывались один в другой.

Ко второму типу книги-кодекса можно отнести книги, сшитые из нескольких тетрадей, каждая из которых составлена из вложенных друг в друга листов. Так, тангутский перевод *Сяо цзина* (Танг. 1, инв. № 2627) состоит из четырех тетрадей по 6—10 листов в каждой. Размер листа в разворот по центру — 23,7×29,5 см. Текст заключен в рамку, размер текста — 19×24,7 см. На каждой половине листа (странице) 7 строк по 17—24 знака в строке.

Иногда не заполненные текстом стороны листов склеивали с чистыми сторонами соседних листов по боковому краю. Мы располагаем образцом такой книги (Танг. 164, инв. № 205). Книга состоит из 6 тетрадей по 14 листов, размер листа — 25×15 см. Верхнее и нижнее поле — по 2 см. Строки графленые, ширина строки — 2,1 см. На странице 6 строк по 16 знаков. Четкий, стандартный почерк, хорошая бумага. Книга сшита желтыми нитками в два шага, размер шага — 7 см, от места сшива до верхнего и нижнего края листа по 4 см. Переплет склеен из многих слоев бумаги и сверху оклеен синим шелком. Правая сторона переплета, что не очень типично, длиннее левой и, как в книгах-гармониках, охватывает одну пятую часть лицевой стороны книги. На этой,

заходящей на лицевую сторону части обложки на наклейке из ткани написаны название сутры и номер книги в этой серии. Книга эта интересна тем, что сброшюрована в форме кодекса, а ее обложка явно сделана как обложка для книг-гармоник.

Иногда в рукописных книгах под влиянием ксилографированных изданий встречается *байкоу* — колонка в середине листа по месту его сгиба. Так, книга Танг. 91, инв. № 2086 и 2090, по способу брошюровки типичная «сунская бабочка», имеет байкоу, выполненное по лучшим образцам ксилографированной книги: каждая страница, правая и левая сторона листа, на определенном расстоянии от середины, т. е. линии сгиба листа, отделена от него вертикальной линией. Текст каждой страницы, таким образом, заключен в рамку, а в середине образована пустая вертикальная колонка, в которой четырьмя короткими горизонтальными линиями выделены сверху вниз два участка: один — для сокращенного названия книги, второй — для номера листа (в данном случае пагинация китайская).

В тех случаях, когда рамка, ограничивающая текст, была сделана на лист в разворот и не было байкоу, композиция текста осуществлялась в пределах рамки и различались правая и левая половины листа, разделенные сгибом. Введение байкоу, когда текст делился рамкой на страницы, не привело в китайскую и подражавшую ей тангутскую книги понятия страницы, и пагинация, если она была, оставалась полистной. Отметим один любопытный случай, когда книга-бабочка (Танг. 116, инв. № 802) изготовлена из листов бумаги, явно заготовленных для книг-потхи, т. е. листов многослойных, склеенных из нескольких тонких бумажных листов.

Следующий способ брошюровки книги-кодекса заключался в том, что лист сгибался не один раз, а несколько и не только по вертикали, но и по горизонтали.

По вертикали бумажный лист сгибали вчетверо двумя способами. Первый способ — лист большого формата сгибали пополам, а потом еще раз пополам. Получались четыре заполненные текстом страницы книги, из которых две находились на одинарных листах, а две — на одном двойном листе. В книге под шифром Танг. 31, инв. № 616 четыре таким образом сложенных листа (16 страниц) образуют тетрадь. Книга же состоит из двух таких тетрадей, сшитых вместе в центре сгиба листов двумя нитками, охватывающими корешок книги снаружи.

Второй способ состоял в том, что лист бумаги складывали

как гармошку: вначале правая четверть листа сгибалась внутрь, затем на согнутую правую половину листа загибалась его левая половина и, наконец, крайняя левая четверть листа отгибалась в обратную сторону (влево). При таком способе четыре страницы книги приходились на два двойных листа, подобных листам современной китайской книги-бабочки. Но поскольку оба наружных края листа оказывались внутри, такую тетрадь сшивали по байкоу, а не по сгибу. Так сброшюрована, например, книга под шифром Танг. 322, инв. № 2887.

Строго говоря, эти два способа брошюровки, в сущности, не отличались от вышеописанных способов, когда лист сгибался только один раз пополам по вертикали, здесь просто брался лист большего размера и не разрезался предварительно полистно, а сгибался вчетверо.

Лист большого формата для книги-кодекса сгибали и по горизонтали: сначала пополам по горизонтали, а затем один раз по вертикали. Получалось тоже четыре страницы книги, соединенные между собой неразрезанными верхним или нижним краем. Такие листы или вкладывались один в другой, если книга была небольшой, и сшивались на минимальном расстоянии от края вертикального сгиба (Танг. 30, инв. № 7104), или складывались один на другой (и тогда книга могла быть толстой) и сшивались (Танг. 22, инв. № 621).

Во всех случаях страницы книги-кодекса заполнялись текстом только с одной стороны (мы не имеем в виду случаи употребления уже использованной бумаги), и тангутская книга-кодекс при всех способах сгибания, укладки и сшивания листов отличалась чередованием заполненных текстом и чистых листов. Книги всегда были многотетрадными. Как и листы, эти тетради могли быть пронумерованы. В книге-кодексе Танг. 120, инв. № 6375 10 тетрадней — каждая из 4 листов (8 страниц) — пронумерованы слева от сгиба листа: тетради 1—5 — по-китайски, тетради 6—10 — по-тангутски.

Книги-кодексы имели обложки. Иногда это были просто бумажные обложки, склеенные из нескольких слоев тонкой бумаги. Верхний же лист был чистым, иногда из окрашенной, например желтой, бумаги, или это была ткань, наклеенная на многослойную бумагу, как и в книгах-гармониках, то одноцветная: синяя, желтая, песочного цвета, черная, красная, то с узором в виде кружков, ромбов, цветов, листьев (например, Танг. 74, инв. № 688). Переплет мог быть изготовлен из кожи (Танг. 22, инв. № 620), хотя, возможно, это была большая редкость, по крайней мере если судить по материа-

лам нашей коллекции. Элементом украшения книги-кодекса служила и цветная нитка, которой сшивалась книга (если книга была без специальной обложки). Так, книга Танг. 112, инв. № 2540 сшита красно-сине-белой цветной ниткой. У книги Танг. 186, инв. № 2891 сшиты лишь верхний и нижний края книги, но оставлены длинные концы нитей, скрученные в фитильки и украшающие книгу.

Размеры книг-кодексов были самые разные. Например: *Сяо цзин* (Танг. 1, инв. № 2627) — $24 \times 14,7$ см, *Мэн цзы* (Танг. 3, инв. № 360) — 21×14 см, «Фонетические таблицы» (Танг. 22, инв. № 621) — 13×12 см, сутра (Танг. 169, инв. № 205) — 25×15 см. и т. п. К книгам-малюткам относится книга Танг. 185, инв. № 6771, ее размер — $10 \times 10,5$ см. Обложка этой книги оклеена шелком не только снаружи, но и изнутри переплета. Книга под шифром Танг. 167, инв. № 6775, возможно, самая маленькая книга в фонде, ее размер — $8,5 \times 4$ см.

Наконец, если признать наличие специфического вида книги-листа, как это делает, например, М. И. Демидова [Демидова, 1974, с. 19], то к числу таковых могут быть отнесены имеющиеся в тангутском фонде ЛО ИВАН немногочисленные чертежи (Танг. 46, инв. № 5217) и таблицы.

ОФОРМЛЕНИЕ РУКОПИСИ

Тангутская рукописная книга, за исключением шелковых обложек, не блистала художественным оформлением и не была иллюстрирована. К числу элементов художественного оформления тангутской книги относятся рамки, которые ограничивали текст, графление строк, оформление байкоу.

Чаще всего рамка была черной, одинарной, того же цвета, что и текст. Но, как мы уже отмечали выше, иногда рамки были выполнены толстой и тонкой линиями, даже тройной линией и могли быть многоцветными, например начерченными красным и черным [Терентьев-Катанский, 1977, с. 168]. Хорошо подбирая пропорции между размером текста и форматом бумаги, ровные и соразмерные поля, создатели книг, несомненно, украшали книгу. Графление строк делалось тоже тушью, но разбавленной, и линии были бледновато-черные; если при графлении употреблялась, например, киноварь, то линии были красные (Танг. 142, инв. № 571). Один раз отмечено графление строк удвоенными линиями (Танг. 67, инв. № 102). Ширина строки чаще всего колебалась в пределах от 1,4 до 2,1 см.

По нормам каллиграфии знак должен был вписываться 393

в воображаемый квадрат, чаще всего размером 1×1 см. В хорошо исполненных рукописях число знаков в строке было постоянным или расходилось в пределах 1—2 знаков, при более небрежном письме отклонений больше. Стихи (гатхи) записывались с разбивкой текста внутри строки, таким образом получалось два горизонтальных ряда. Есть случай, когда стихи записаны в три ряда (Танг. 325, инв. № 5116). Периоды текста могли быть отмечены кружками или точкой — сбоку или внутри текста (Танг. 1, инв. № 2627). Комментарии всегда писали, отступив на один-два знака от основного текста.

Редкое явление — книга на окрашенной бумаге: на желтой и в двух-трех случаях на красной (см. Танг. 335, инв. № 2000).

В тангутской коллекции ЛО ИВАН есть только один образец рукописной книги с иллюстрациями — «Сутра об именах будд» (Танг. 194, инв. № 8090, 7774). Перечень имен будд сопровождается довольно грубо исполненными изображениями их в верхней части книги-гармоники. Будды изображены в разных, не менее десяти, позах (санскр. *мудра*). Тело будд желтое, волосы черные, одежды красные, зонты попеременно то желтый, то красный, красные зонты выше, желтые — ниже, рукоять зонта всюду исполнена как китайский иероглиф *му* «дерево». Нимбы белые и красные. Фон двухцветный: за корпусом до головы зеленый, символизирующий растительность, за головой и нимбом — желтый с символическими, контурными рисунками гор красным. Будды восседают на лотосовых тронах (троны нарисованы под надписью с именем будды), контуры лепестков лотоса очерчены красным или черным, лепестки белые. Краски везде сочные, но грубые.

Книга под шифром Танг. 159, инв. № 5654 украшена рисунком цветов, выполненным тушью, стебли цветов зеленые, сами цветы желтые, под цветами мелкие знаки — свастики.

Но чаще всего немногочисленные рисунки исполнены той же черной тушью, которой написан и текст книги. Приведем некоторые примеры: рисунок человека, возлагающего к субурганам цветы, Будда на лотосовом троне с учениками и рисунок ваджры (Танг. 162, инв. № 7675, в конце книги); небольшой, но очень четкий рисунок человека: голова в большой войлочной (?) шапке с загнутыми внутрь высокими полями и правая рука, согнутая у пояса (Танг. 50, инв. № 4841); стилизованный рисунок головы быка, исполненный в очень выразительной манере (Танг. 30, инв. № 6803).

Мы в самом начале своего очерка подчеркнули, что руко-

писная тангутская книга сосуществовала с печатной, ксилографированной. Поэтому в целом ряде случаев украшением рукописной книги являются печатные гравюры. Обычно они вклеивались перед началом текста книги, между обложкой и заглавием. Так, рукописная книга с текстом «Аштасахас-рикапраджняпарамита-сутра» (Танг. 164) иллюстрирована гравюрами с надписями по-тангутски и по-китайски. Глава 1 (инв. № 49) предварена гравюрой с изображением проповедующего Будды, в левом углу гравюры — надпись по-тангутски: «Будда в горах [под названием] Скопления птиц и зверей излагает учение о праджне». В правом углу — та же надпись по-китайски: «Будда (Жулай) в горах Цзюфэншань излагает учение о праджне». Главу 6 (инв. № 206) украшает гравюра с тремя изображениями ламы с учениками. Лама, поджав ноги, сидит на возвышении в шесть ступеней (войлоков, одеял?), под балдахином с ниспадающими вправо и влево складками. Голова ламы обрита, правое плечо и рука обнажены. Лицо его, на котором не выражены черты монголоидности, изображено довольно реально, стилизованно изображены лишь большие уши. На всех трех рисунках ученики стоят на коленях справа от возвышения, на котором сидит лама, сложив руки ладонями внутрь на уровне груди. Ученики бритоголовы, но плечи и рука у них не обнажены, платье на них с глухим воротом. У учеников тоже стилизованно изображены только уши. На первом рисунке учитель положил правую обнаженную руку на голову ученика. На втором и третьем рисунках левая рука учителя опущена на колени, а правая в мудре наставления.

Реже, чем в печатных книгах, встречаются в тангутских рукописных книгах виньетки, например виньетка в виде цветка или скорее даже целого соцветия (Танг. 198, инв. № 833). Встречаются заглавия, обрамленные орнаментальной рамкой (Танг. 280, инв. № 4359).

Некоторые рисунки в тексте явно служили для заполнения пустот (см. Танг. 303, инв. № 6750), местами между текстом и полем встречается узор в виде спирали с длинным

концом № 34, (Танг. 74, инв. 35), там, где текст не заполняет строку, поставлен знак ; кстати, этим же знаком,

как уже говорилось выше, помечены места склейки листов. Наконец, в целом ряде случаев начальные знаки строки или раздела выделены заставками в виде схематического изобра-

жения шатра без острого верха (оно могло быть выполнено и в две линии или в две линии и затушевано), иногда начальные знаки заключены в двойные рамки, основания и завершения которых украшены стилизованными изображениями лотоса (Танг. 24, инв. № 2539). На страницах ряда рукописных книг встречаются тамги и стилизованные части знаков тангутского письма¹¹. В ряде текстов разделы выделены кружком киноварью (Танг. 1, инв. № 2627). Кружками могли быть заполнены неполные строки (Танг. 154, инв. № 42), или для этой цели использовался знак (Танг. 67, инв. № 102).

Как бы ни был старателен писец, он допускал ошибки, ошибки могли быть и в переводах, в точном подборе слов; поэтому, говоря о тангутской рукописной книге, нельзя не упомянуть и о способах правки текста. Самым грубым и радикальным способом правки было удаление (вырезание) из текста неправильно написанного знака или знаков и замена его — подклеивался кусочек бумаги с одним, двумя, несколькими знаками правильного текста с тыльной, не заполненной текстом стороны листа так, чтобы новый, правильный текст был точно вмонтирован в вертикальную строку вместо удаленной части. Такой способ правки применялся широко (см., например, Танг. 61, инв. № 948). Ошибочно написанный текст мог быть заклеен и сверху полоской бумаги с правильным текстом, так же как это мы делаем сейчас в наших рукописях (см. Танг. 87, инв. № 6502).

Вторым способом правки было использование киновари. Неверно написанный знак «вычеркивался» кружком, рядом сбоку писался киноварью правильный знак, который вводился в строку откинутой вправо и вниз сплошной чертой (см. Танг. 1, инв. № 2657). Собственно, такая правка могла быть сделана и не киноварью, а обычной тушью. Правильный знак мог быть и просто написан сбоку без вводящей его в текст черты. Обычно правильный знак всегда писался справа от исправленного, поскольку приписанный слева знак мог стать причиной смещения текста и искажения смысла. Есть случаи, когда знак написан слева, но только у последней строки листа, на поле.

Чертой вниз вправо вводились и пропуски, допущенные в тексте. Пропущенный знак мог быть и просто приписан

¹¹ Описания этих знаков см. в кн. [Терентьев-Катанский, 1969, с. 21—396 27].

справа, напротив промежутка между знаками, там, где должно было быть его место (Танг. 3, с. 15). Исправления иногда могли вводиться в текст и прерывистой чертой (пунктиром), например в книге под шифром Танг. 24, инв. № 2539. Замена знака могла быть отмечена крестиком (11). Знак, помеченный крестиком, подлежал замене, а знак, написанный справа, был тот, который должен был заменить неверный знак. Наконец, неверные места могли быть просто вымараны (например, зеленой краской в Танг. 119, инв. № 899) или же вымараны, а рядом еще поставлены крестики (Танг. 67, инв. № 102).

В удвоениях тангуты никогда не повторяли знак, а пользовались тем же значком, что и китайцы — птичкой, обращенной «клювом», острием, слева направо.

К числу любопытных пояснительных знаков в тексте можно отнести цифры в заглавиях переводных сочинений. Многие буддийские сочинения имеют два заглавия: санскритское название оригинала в тангутской транскрипции и тангутский перевод. При этом в обоих заглавиях одинаковыми цифрами слева от слова помечались соответствующие друг другу слова. Так, в книге под шифром Танг. 116, инв. № 801 китайскими цифрами от 1 до 4 помечены соответствующие друг другу санскритские слова в тангутской транскрипции и тангутские слова.

Тангутская рукописная книга во многих своих образцах не знала пагинации. Не пагинированы книги-свитки и книги-гармоники. Рукописные книги-кодексы в отличие от книг-кодексов печатных также очень редко имеют пагинацию. Отсутствует нумерация листов в светских книгах-кодексах, таких, как *Сяо цзин* (Танг. 1), *Мэн цзы* (Танг. 3), словарь «Море письмен» (Танг. 16, инв. № 4152), словарь «Идеографическая смесь» (Танг. 20, инв. № 4428), «Фонетические таблицы» (Танг. 22, инв. № 620 и др.), «Крупинки золота на ладони» (Танг. 30). Чаще пагинированы те книги, которые имеют байкоу (см. Танг. 91, инв. № 4086, 7090, пагинация по-китайски¹²). Пагинация была нужна не для удобства читателя, а для правильного сложения листов, и появилась она скорее всего именно с ксилографией. Сама же идея пагинации, нумерации листов, видимо, была взята из книгопотхи, в которых пагинация всегда присутствует для того, чтобы листы книги не были перепутаны.

Пожалуй, можно в рабочем порядке высказать гипотезу о том, что для центральноазиатской и китайской книги идея

¹² Очень вероятно, что это рукописная копия ксилографированного издания.

пагинации пришла из Индии и Тибета с книгой-потхи, а в практику она была внедрена с утверждением ксилографии, т. е. печатания книг.

ПРЕДИСЛОВИЯ. КОЛОФОНЫ

Тангутская рукописная книга не изобилует предисловиями, послесловиями и расширенными колофонами. Тем не менее в том или ином сочетании в ней имеются указания на автора сочинения, переводчика, государя (если под его покровительством или высочайшей редакцией было переведено или выпущено в свет данное сочинение), переписчика, в буддийских сочинениях — заказчика (донатора) книги, владельца книги, редактора (сверщика текста), указывается дата переписки.

Предисловия и послесловия более характерны для книг светского содержания. Предисловием, написанным, к сожалению, трудно поддающейся чтению скорописью, снабжен тангутский перевод *Сяо цзина*. В свое время Н. А. Невскому удалось прочесть дату предисловия (1095 г.) и установить, что комментарии к тому изданию, с которого был сделан тангутский перевод, принадлежали сунскому государственному деятелю Люй Хуэй-цину [Невский, 1960, с. 85]. Судя по этому упоминанию и по частичной расшифровке текста путем подстановки китайских знаков на место расшифрованных тангутских, выполненной Э. Д. Гринстедом [Grinstead, 1972, с. 292—296], тангутское предисловие, видимо, не было оригинальным, а переведено с китайского.

Тангутское предисловие к «Фонетическим таблицам» (Танг. 22, инв. № 620) было впервые начерно переведено Н. А. Невским [Невский, 1960, с. 133—134], его полный перевод опубликован нами в книге, посвященной Н. А. Невскому [Громковская, Кычанов, 1977, с. 206—207], и частично процитирован выше в данной очерке. Точно так же мы уже привели выше перевод предисловия к словарю «Разные письменные знаки, классифицированные по трем разделам» (Танг. 23, инв. № 2535). Вместе с текстом памятника было опубликовано нами предисловие к сочинению «Вновь собранные крупинки золота на ладони» [Кычанов, 1969, с. 215—219]. Судя по этим публикациям, предисловия к тангутской рукописной книге обосновывают необходимость данного сочинения, дают сведения о времени написания или переписки текста, о лицах, причастных к этой работе. Поскольку часть рукописных книг копировала их ксилографированные издания (например, Танг. 36, инв. № 4930, рукопись сочинения «Вновь собранные

драгоценные парные изречения» в Британском музее), предисловия к ним не могут рассматриваться как оригинальные предисловия к рукописной книге.

Предисловия к буддийским сочинениям в рукописной книге чрезвычайно редки. В связи с вопросом о создателе (создателях) тангутского письма мы уже цитировали предисловие к «Лотосовой сутре» (Танг. 218, гл. 1). Есть еще предисловие к сутре «Правила исповеди в храме Милосердного и Со-страдательного», составленное лянским императором У-ди (502 г.): «Это сочинение „Правила исповеди“ составлено (букв. „собрано“) императором Лян ради императрицы из рода Си. После того как императрица Си скончалась, прошло несколько месяцев, а император все оплакивал [ее кончину]. Однажды ночью, будучи во дворце, он услышал звук и, посмотрев, увидел большую змею, которая смотрела на него. Император удивился и спросил: „Мой дворец не место для обитания змей, ты, наверное, нечистый дух, который желает моей гибели?“ И змея ответила человеческим голосом: „Змея — истинное тело [императрицы] Си“». Далее рассказывается, что змея из-за болезни зубов не могла принимать пищу. Император прежде очень любил императрицу, и теперь она просила его милосердия. Опечаленный император и созванные им шраманы помолились за змею — покойную императрицу (Танг. 286, инв. № 5752).

Предисловие это явно неоригинально, оно копирует предисловие к ксилографическому изданию текста и является переводом с китайского. Таким образом, мы имеем одно оригинальное предисловие к буддийской книге, и на основании ленинградской коллекции можно смело утверждать, что тангутские по происхождению предисловия к буддийским сочинениям на тангутском языке практически не составлялись.

В целом для тангутской рукописной книги нехарактерен и колофон, выходящий за пределы указания имен автора, переводчика, заказчика, переписчика и даты. Мы располагаем всего несколькими пространными колофонами на сотни тангутских рукописных книг. К сочинению под шифром Танг. 68, инв. № 5253 имеется приписка, в которой сказано: «Ради заслуг родивших и воспитавших, батюшки Итэ и матушки Яхэ, мы, тот и другой, выразили пожелание написать золотыми буквами и уже написали „Сутру сердца“, благодаря чему принесли дары для увековечивания [их] памяти, описали [родительские] заслуги и пожертвовали всем людям. Пожертвователю — сын Лян Хавачэн. Эти буквы написал Лян Хаваюй». Два брата, оплативших переписку одного из вариантов сутры *Божо синь цзин*, посвятили свое пожертво-

вание памяти покойных родителей, что было столь же обычным для буддийской практики той эпохи, сколь и дозвоительно было оставлять запись об этом. Любопытно то, что рукописная книга была сделана с ксилографа, изданного по приказу императора Жэньсяо тоже в память матери, умершей в 1167 г.

В данном случае колофон на рукописной книге был оригинален и не следовал тексту ксилографического издания сутры.

К главе 358 «Махапраджняпарамита-сутры» (Танг. 334, инв. № 6643) есть приписка: «Заказчик переписки Трипитаки, двенадцати лет, не обремененный семьей, пребывающий в состоянии покоя монах Люй Юйло (Цзисян) к драгоценным книгам дополнение сделал». В иных случаях в колофоне прямо оговаривается заслуга самого факта переписки книги: «Переписка ныне этой добродетельной книги есть заслуга» (Танг. 334, инв. № 997). В другом случае мы находим неподписанный колофон: «Сверив все книги „Пути синь ци фа цзюй” и уяснив [их] смысл, я в этот день, утвердившись в добрых поступках, сделал шаг на пути к тому, чтобы спастись и стать бодхисаттвой. Просмотрев мудрые, прекрасные и полные сострадания книги, [люди] прежде всего смогли открыть для себя пользу от учения. Они собрались, будучи назначенными по императорскому приказу, и при рассмотрении трудов [этих] доблестных, мудрых и благородных [людей] нельзя их ни хулить, ни превозносить» (Танг. 114, инв. № 4718). В данном случае мы имеем дело с нередкой сентенцией, призывающей к снисхождению к авторам и переписчикам, составителям книги, что вместе с нарочито уничижительными характеристиками автора или составителя было нормой этикета авторского представления книги той эпохи.

В книгах есть приписки, говорящие о пользе: «Кто знает грамоту и прочтет это, тот избавится от болезни» (Танг. 162, инв. № 7679). «Когда [эту книгу] прочтут люди, то все обиды и подозрения исчезнут», и далее в стихах:

Я изложил добродетельные законы всех будд,
Дошедшие [до нас] от Пуса и Пути.
И я, сделав это, настаиваю на том,
Чтобы исполненную добра книгу взявший
Приобрел для себя пользу от той мудрости,
Которая в ней содержится.

(Танг. 273, инв. № 4975)

Один раз встречается благопожелание: «Желаю всех одарить этими доблестями и добродетелью!» (Танг. 74, инв. № 57576).

Есть редкие пояснения к переводу. Например, в книге Танг. 116, инв. № 801 переводчик поясняет, почему он не перевел на тангутский язык слово *бодхи* (12) и оставил его в транскрипции: «Санскритское слово не переведено на тангутский язык из-за своей многозначности. Соответствующее этому [санскритскому] слову слово названо *Пути*. Оно также означает и „сострадательный“, и „мудрый“, и „тело“ и соответствует тангутским словам „доблестный“, „достойный“, „просветленный“, а также означает „ствол дерева“».

А за текстом словаря «Различные письменные знаки» автор или переводчик написал изречение, утверждающее его мужское достоинство:

Мужчина хоть и захудалый, а на женщине спит,
Женщина хоть и сильная и благородная,
а под мужчиной спит!
(Танг. 20, инв. № 4428)

Другое изречение мы находим на листе текста «Маха-праджняпарамита-сутры»:

Не живут в соответствии со смыслом [этой] книги —
нарушением долга почитания родителей расплачиваются,
Из числа писцов и самый захудалый бумагой и кистью
для письма дорожит.
(Танг. 334)

Как мы видим, колофоны в тангутской рукописной книге, особенно буддийской, составляющей большинство, малочисленны и достаточно по-буддийски стандартны.

На тангутских рукописных книгах нет печатей. Лишь один экземпляр книги-гармоники превосходного качества (Танг. 153, инв. № 87) украшен большой красной печатью императрицы Ло: «Белого Высокого государства вдовствующая императрица Ло, преданная ученица, к сутрам Великой Трипитаки на тангутском языке (13) один раздел Трипитаки (14) полностью добавила и заново переписала. Он положен в хранилище сутр (15) в общине монастыря Тяньсяцинъюсы (16) для того, чтобы быть там вечно, и уже стал тем, что читают и распространяют, чему поклоняются и приносят жертвы». Текст этой печати сообщает нам крайне важные сведения: во-первых, мы узнаем, что к концу XII в. существовала Трипитака на тангутском языке, т. е. что примерно за 150 лет весь или почти весь буддийский канон был переведен на тангутский язык (см. [Kuchanov, 1984, с. 386]); во-вторых, что в Си Ся при монастырях существовали хранилища сутр, библиотеки. Это можно было предполагать, но важно подтверждение факта существования такой библиотеки при монастыре, китайское название которого, видимо, 401

было Тяньцинсы («Небесное счастье», или «Счастье Поднебесной», как можно думать, исходя из тангутского названия монастыря).

В своем описании китайских рукописных книг и ксилографов из Хара-хото Л. Н. Меньшиков высказал предположение, что вся библиотека, точнее, все книги, найденные П. К. Козловым в субургане, — личная библиотека вдовствующей императрицы Ло, сосланной, по мнению Л. Н. Меньшикова, в Хара-хото после того, как был лишен престола ее сын — император Чунью [Меньшиков, 1984, с. 85]¹³.

«Можно не сомневаться,— пишет Л. Н. Меньшиков,— что после того, как сын ее был свергнут, а новый правитель не без ее участия получил утверждение на престоле, она была отстранена от государственных дел. Ее дальнейшая судьба неизвестна, но некоторые данные... заставляют предполагать, что она стала буддийской монахиней, была сослана в Хара-хото и после смерти погребена там в „знаменитом субургане“... Если это все верно, то можно думать, что и собрание книг в „знаменитом субургане“ — это ее личная библиотека» [Меньшиков, 1984, с. 75].

Таким образом, доводы Л. Н. Меньшикова в пользу его гипотезы следующие: по некоторым данным можно предположить, что императрица Ло в последние годы стала монахиней; в найденном субургане захоронена женщина; в субургане же среди книг имеются «личные императорские экземпляры» [Меньшиков, 1984, с. 74—75]. Мы не будем опровергать гипотезу Л. Н. Меньшикова, она нам кажется заманчивой и интересной, хотя доказательства, приводимые им, недостаточны и не подтверждаются, как мы увидим ниже, материалами тангутской рукописной книги. Среди рукописных книг на тангутском языке, найденных в Хара-хото, упомянутый нами экземпляр — единственный, который мог принадлежать императрице Ло. Действительно, в субургане, по первому определению антропологов, была захоронена женщина, но череп «хозяйки» субургана утерян, во всяком случае, проверить правильность данного определения пока невозможно. Наличие большого числа изданий, выполненных по заказу Ло, можно объяснить (как это делает Л. Н. Меньшиков) тем, что это часть не розданных ею книг, но допустимо и то, что в Хара-хото могло попасть и попало немалое число этих изданий, тираж которых был велик. Среди тан-

¹³ О ссылке императрицы Ло у нас нет достоверных сведений, но есть данные, свидетельствующие о том, что она сама считала сына неспособным управлять страной в опасный момент перед угрозой монгольского нашествия.

гутских рукописных книг, судя по заказчикам и переписчикам, явно преобладали книги местного происхождения. Этот аргумент не отрицает гипотезу Л. Н. Меньшикова: императрица могла собирать свою библиотеку книг местного происхождения, но и не подтверждает ее. Хотелось бы, чтобы точка зрения Л. Н. Меньшикова была подкреплена более вескими доказательствами.

Обратимся к тем терминам, которые мы встречаем в колофонах тангутской рукописной книги и которые отражают процесс создания книги. Для производства книги (17) требовались кисть для письма (18), бумага (19) и знание грамоты, письменных знаков, идеографов (20). Книги могли делиться на цзюани (21, 22). В больших, многоглавных (многочюаневых) сочинениях было принято понятие раздела, группы глав (цзюаней), обычно десяти, объединенных одним маркировочным, шифровальным знаком. Такая группа из десятка глав в многотомных книгах именовалась связкой (23)¹⁴. Книжное значение этого тангутского термина было неизвестно ранее, мы установили его по колофонам, прежде всего по колофону к третьей главе (издание в виде книги-потхи) «Махаратнакута-сутры» (Танг. 357), где сказано: «Заказчик, оплативший часть заказа, переписчик связки (десяти глав сутры) под маркировочным знаком (24)» (25). Маркировочным знаком (24) шифровались главы 21—30 этой сутры.

Указания на авторов нередки, хотя авторство обозначалось разными терминами: «сочинил», или «сделал», (26, 27) и «собрал» (28), «по государеву (высочайшему) приказу собрал» (29), «передал» («переложил», «пересказал») (30), «изложил» (31). Существовал особый термин для авторов предисловий: «с чувством робости написал предисловие» (32). Установить разницу в употреблении этих терминов мы в данный момент затрудняемся, хотя можно предположить, что слово «сделал» в смысле «сочинил», очевидно, могло отражать максимальную степень творчества, а «передал», «переложил» — минимальную. Хорошо известно, что средневековое представление об авторстве далеко не совпадало с нашим. Помимо предисловий авторами, как правило, были написаны небольшие сочинения (это касается не только тангутских авторов, но и тибетских и китайских, которых переводили), сутры же, естественно, как и целый ряд значимых и священных для буддистов Центральной Азии сочинений, были только переведены на тангутский язык.

¹⁴ По-видимому, понятие связки заимствовано от китайцев: кит. *цзюань* — связка в 10 свитков.

Мы встречаем термин «переводчик на тангутский язык» (33) и целый ряд формул, вводящих в колофон сведения о переводчике: «этой книги переводчик» (34), «с тибетской книги на тангутский язык перевел» (35), «перевел» (36), «на тангутский язык заново перевел» (37), «с текстом книги на санскрите (на одном из индийских языков) сверил и повторно перевод правильный сделал» (38), «по императорскому указу перевел» (39), «на тангутский язык перевел» (40), «высочайше перевел» (об императорах и императрицах) (41). Наконец, встречается термин, отражающий какую-то авторскую работу в процессе перевода: «перевел и переложил (пересказал, передал)» (42).

Хорошо известно, что переписка и распространение буддийских священных текстов почитались большой религиозной заслугой, потому люди состоятельные жертвовали деньги на переписку сутр как во имя накопления своих личных заслуг, так и в память умерших близких, прежде всего родителей (см. выше). Имя заказчика (донатора) часто упоминается в колофонах. Заказчик обозначается в колофонах следующими формулами: «заказчик» (43), «этой книги заказчик» (44), «этой книги добродетельный заказчик» (45), «чистой книги заказчик» (46), «этой сутры заказчик» (47), «чистой сутры заказчик» (48), «[книги] истины заказчик» (49), «чистой истины заказчик» (50), «заказчик переписки» (51—52). В ряде случаев может быть приведено сокращенное название произведения, которое заказало переписать данное лицо (53—54). Встречается упоминание о «заказчике перевода» (55).

Заказчики по-разному упоминаются в колофонах и в зависимости от участия в оплате переписки, их доли в этом благом деле. Один раз (Танг. 334, инв. № 981) упоминается «заказчик переписки Трипитаки» (56). Нередко встречается термин (57—58), означающий, по-видимому, заказчика переписки большого раздела многоглавной сутры или какой-то сутры в целом, — мы затрудняемся передать его точно по-русски, но полагаем, что этому термину может соответствовать такой эквивалент, как «генеральный заказчик», в тех случаях, когда заказчиков было несколько. При нескольких заказчиках выделяются также «главный заказчик» (59) и второстепенные: «заказчик, сделавший заказ с имеющимся главным» (60), а также «долевые заказчики», заказчики, «оплатившие часть заказа» (61—63). Термин, определяющий долевое участие, тоже не сразу поддался переводу и был раскрыт нами лишь посредством фронтального просмотра всех рукописей. Помогли более развернутые записи в колофонах, где доля — заказанная данным лицом часть сочинения —

«была точно указана: «долевой заказчик, [оплативший переписку] двух цзюаней» (64), «долевой заказчик, [оплативший переписку] пяти цзюаней» (65), «одной цзюани долевой заказчик» (66). Мы встречаем случаи, когда слово «долевой», или «оплативший долю (часть заказа)» (67), в колофоне отсутствует, а указан лишь конкретный объем заказа: «заказчик переписки одной связки (10 цзюаней)» (68), «„Великой праджни“ одной связки заказчик» (69), «заказчик переписки одного раздела „Великой праджни“» (70). Конкретный объем понятия «один раздел» — два первых знака из термина (70) — нам пока установить не удалось. Наконец, в разных вариантах отмечены лица, которые были одновременно и заказчиками и переписчиками текста (71—73).

Встречается и другой термин (74), обозначающий дарителя (жертвователя, заказчика). Было ли это чисто терминологическое расхождение или какое-то различие в оформлении взноса, заказа, мы сказать не в состоянии. Термин употреблялся в значительной мере в тех же сочетаниях и в тех же значениях, что и вышеприведенный (43); упоминаются «пожертвовавший на переписку» (75) и «пожертвовавший долю на переписку» (76).

Книгу писал переписчик, и всегда или почти всегда он упомянут в паре с заказчиком в колофоне, если таковой имеется. И упоминается переписчик (77—79) с теми же атрибутами, что и заказчик: «книги переписчик» (80), «этой книги переписчик» (81), «чистой книги переписчик» (82), «сутры переписчик» (83), «этого переписчик» (84), «этих знаков письма переписчик», «тот, кто переписал эти знаки письма» (85). Как и заказчик, заказывавший часть сочинения, переписчик мог переписать только часть текста, поэтому мы в той же терминологии, как и с долевыми заказами, встречаем упоминания в колофонах о переписке части текста: «переписчик части текста» (86), «переписчик части — третьей цзюани текста», «переписчик части — пятой цзюани текста» (87—88), «этой первой цзюани переписчик» (89). В одном случае (Танг. 334) переписчик назван образно: «[Для написания] чистой книги кисть державший»¹⁵ (90).

Переведенный и переписанный текст подвергался сверке и редактированию. Отметки о проверке присутствуют в подавляющем большинстве буддийских рукописных книг, даже тогда, когда не упомянуты ни заказчик, ни переписчик. Редко, но указывается и имя сверщика текста. В колофонах, в отметках о проверке текста, мы встречаем следующие тер-

¹⁵ Ср. китайский термин *бишоу* «принимающий на кисть».

мины: «сверщик», «редактор» (вероятно, эти два вида работы с текстом в Си Ся строго не различались), «тот, кто производил сверку текстов и исправил ошибки» (91, 92), «высочайше отредактировано» (об императоре и членах императорской фамилии) (93), «с тибетским текстом сверено» (94), «тот, кто повторно эту сутру из серии „Панча ракша“ тщательно сверил» (95), «чистые тексты сопоставлял» (96). Ряд терминов при сверке текстов, именно сверке, а не редактировании в нашем смысле слова, содержит и упоминание о результатах сверки: «сверено, [текст] идентичен» (97), «один раз сверено. [Текст] идентичен. Книга чистая» (98), «повторно проверено, чисто» (99). Пометы указывают на неоднократность проверки, сличения текстов, поскольку копирование канонических книг должно было производиться без ошибок: «один раз проверено» (100), «один раз повторно проверено» (101), «три раза проверено» (102) и т. д. В одном случае, когда переводчиком и редактором, видимо, было одно и то же лицо, мы находим формулу: «перевел и сверил (отредактировал)» (103) (Танг. 283, инв. № 2544). Один раз мы встречаем формулу визирования текста императором: «просмотрел и утвердил» (104). По меньшей мере дважды упомянуты не общие, итоговые, а конкретные результаты проверки: «Смысл знака неточен, кажется, он означает „на“, „находится на“» (Танг. 353), «Вверху не хватает одного знака» (Танг. 349).

В колофоне книги также редко может быть обозначен и ее владелец — «книги владелец» (105) или — с указанием сокращенного наименования книги — «этой книги „Праджня“ владелец» (106) (см. также Танг. 230, инв. № 890 и др.). В одном лице могли совмещаться заказчик книги и ее владелец, что выражено словами «владелец-заказчик» (107). Одним лицом мог быть переписчик и владелец книги (108).

Существовала в тангутском государстве и цензура. Именно так мы можем расценить три отметки о дозволении книг. Цензор именовался «тот, кто дозволил» (111), «дозволивший книгу» (112) или «это дозволивший» (113). Наше мнение о том, что это дозволяющее, разрешающее лицо исполняло функции цензора, подтверждается в колофоне книги под шифром Танг. 64, инв. № 75786: «тот, кто разрешил книгу, сочинения просматривающий Ркачэн».

В одном случае в колофоне указан разметчик текста: «тот, кто сделал надписи красным» (114). Действительно, текст размечен красными точками. Понятно, что разметка текста, членение его на какие-то смысловые единицы, способствующие его усвоению, была делом, требовавшим высокой квали-

фикации. Один раз (Танг. 74, инв. № 562) упомянут брошюровщик книги (115), лицо, которому было поручено сделать брошюровку (116).

В заключение о формулах колофона отметим одну из них (109), которую нам не удалось расшифровать из-за отсутствия основного слова среди известных нам знаков. Так же непонятно, почему в одной из глав «Махапраджняпарамитасутры» в колофоне есть упоминание о лице, вслух читавшем текст 270-й главы сутры: «письмена одной цзюани вслух прочитавший» (110). Может быть, это тоже было как-то связано со сверкой текста или с удостоверением в том, что этот текст понятен и на слух.

ДАТИРОВКА. ПРОИСХОЖДЕНИЕ РУКОПИСНОЙ КНИГИ

Колофон тангутской рукописной книги часто содержит дату, как правило дату завершения переписки книги. Обычный способ датировки: указание года по девизу царствования, подкрепленное обозначением его китайскими циклическими знаками в тангутской графике, а также месяца и дня¹⁶. Даты, не поддающиеся расшифровке, встречаются довольно редко. Это те случаи, когда рукопись датирована только годом двенадцатилетнего животного цикла. Например: «Переписка окончена в 25-й день пятого месяца года зайца» (Танг. 226) или «Закончено в последний зимний месяц в 5-й день» (Танг. 243). Без дополнительной информации установить соответствие таких датировок нашему календарю невозможно.

В коллекции тангутских рукописных книг в ЛО ИВАН книги под 27 шифрами имеют точные даты. Самая ранняя из рукописных книг датирована 1151 г., самая поздняя — 1222 г. Таким образом, с уверенностью можно сказать, что эта коллекция отражает состояние рукописной книги в Си-Ся за последние 75 лет существования тангутского государства. Как уже отмечалось выше, дату в предисловии к тангутскому переводу *Сяо цзина* (1095 г.) мы не считаем датой переписки этой книги или перевода ее на тангутский язык, этим годом датировано китайское предисловие оригинала.

Чтобы выяснить хотя бы приблизительно региональную принадлежность тангутской рукописной книги из собрания ЛО ИВАН, обратимся к упоминаниям местностей и долж-

¹⁶ Датировка тангутской книги ранее была уже описана в специальной статье, к которой мы и отсылаем читателя [Терентьев-Катанский, 1974, с. 215—225].

ностных лиц среди заказчиков и переписчиков книг. Среди заказчиков трижды упоминаются жители Хара-хото: харахотоский хозяин Ехуа На<...>ю (117) (Танг. 74; Танг. 61), в книге Танг. 61 он же назван и как владелец книги, харахотоский хозяин, чиновник, служащий внешних дворцовых покоев государя Вэйрви Ланьква (118) (Танг. 74) и, видимо, его родственник (брат?), ответственный за транспортные перевозки в Хара-хото, Вэйрви Юква (119) (Танг. 357). Происхождение этих рукописей из места их находки, т. е. из мертвого ныне города Хара-хото (на территории современного аймака Эдзина, Автономный район Внутренняя Монголия, КНР), несомненно. Среди заказчиков упоминается также ганьчжоуский монах Нюйнюй Цзунмин (120) (Танг. 76; Танг. 357)¹⁷.

Два заказчика были из мест, которые не поддаются пока определению: Ютэ Далян (121) с гор Мэйшань (122) и Аюй Квию (123) родом из местности Наньюань (124). Он покинул семью и жил отшельником, сутру (Танг. 334) заказал в память о своей матери Ин Пан, судя по имени, возможно, китаянки. В одном случае упомянуто место переписки в 1154 г. текста «Махапраджняпарамита-сутры», гармоники малого формата, — Инбао (125). Инбао, судя по названию, крепость, и не исключено, что тоже располагалась в районе Эдзина — Хара-хото. Среди переводчиков упоминаются шрамана Хуэй Мин и шрамана Фа Хуэй: первый — с гор Бэйшань (126), второй — с гор Юйниншань (127). Отсутствие в колофонах упоминаний столицы и крупных административных центров тангутского государства, за исключением Ганьчжоу, расположенного к югу от Хара-хото, позволяет нам считать, что рукописная тангутская книга нашей коллекции «провинциальная», она, по крайней мере в большей своей части, происходит из Хара-хото и прилегающих к нему районов.

Упоминаемые в колофонах монастыри, как правило, были местами перевода, и они необязательно связаны с местами заказа и переписки книги. Это — монастырь «Явление пяти прозрений» (128), здесь был переводчиком Хуэй Мин, монастырь «Опора государства» (129), Ланьшаньская пагода Цзуань (130) в горах Ланьшань (современные горы Хэланьшань), Ланьшаньская обитель (131) и «Святая обитель», или «Святой монастырь» (132), где работал переводчик Фа Хуэй (133). То же ли это лицо, что и переводчик Фа Хуэй с гор Юйниншань, о котором мы упоминали выше, сказать трудно: монашеские имена монахов-переводчиков могли сов-

¹⁷ Известно, что Хара-хото административно относился в Си Ся к Сучжоуско-Ганьчжоускому району.

падать. Если это одно и то же лицо, то тогда «Святая обитель» находилась в горах Юйниншань. Несколько раз встречающийся в колофонах монастырь «Великий народ (?)» (134), кажется, был монастырем китайским, местом перевода буддийских сочинений на китайский язык с тибетского и санскрита.

Поскольку книги делались в провинции, мы не находим среди заказчиков людей из столицы. Среди заказчиков «Махапраджняпарамита-сутры» упоминается один, названный «родственником» (следует иметь в виду «родственник правящего дома»), во второй раз прямо названный «родственником императорского дома» и по должности — *чэнчжи*, или «принимающий приказы»¹⁸, и, наконец, в третий раз обозначенный как «переводчик тангутского и китайского языков, чэнчжи управления достойных и заслуженных (буддийской сангхой), родственник императорского дома Хуэй Шэн» (135). То, что заказчик — монах, родственник правящего дома, еще не значит, что он человек из столицы, что заказ сделан и выполнен в столице. Это мог быть дальний родственник какой-нибудь из императриц или жен великих князей. Самое отдаленное родство с правящим домом давало некоторую правовую защиту, было почетно и поэтому, естественно, отмечалось. Но этот человек вполне мог быть жителем Хара-хото или близкого к нему района.

Двое из заказчиков носят фамилию правящего императорского рода Вэймин (Танг. 28 и Танг. 334): заказчик Вэймин Ваваю (136) и, судя по имени, монах Вэймин Цзюехай (137).

Однако упоминаний об их родстве с государем нет, а, как мы видели выше, такое родство непременно было бы обозначено. В числе прочих заказчиков-чиновников мы не находим людей с высокими должностями. Или упоминается, что данное лицо просто чиновник: «заказчик переписки — добродетельный муж, чиновник Ехэ Нацзичэн» (Танг. 67), или указывается точная должность: «генеральный заказчик — пограничный эмиссар, командир марша Вэйи Шанька» (Танг. 357), «заказчик текста — пограничный эмиссар Вэйи» (Танг. 376). Это должности, вполне соответствующие рангу Хара-хото как пограничного города с пограничным гарнизоном. Заказчик Ехуа чэнчжи (Танг. 376), т. е. имеющий должность «принимающего приказы», был старшим служащим любого из административных управлений, размещенных в Хара-хото. Два лица — «чистой истины заказчик — служащий дворцо-

¹⁸ «Принимающий приказы» — должность одного из заместителей начальников управлений в системе тангутской администрации.

вых покоев монах Лян Рцзенго Шаньжун» (Танг. 334) и «служащий внешних дворцовых покоев Кэн Санка» — были в штате многочисленной администрации, разбросанной по всей стране и обслуживающей разнообразные нужды двора, «заказчик двух цзюаней — приближающийся к добродетели направляющий Рамбу Кхавачэн» занимал самую низшую в администрации Си Ся должность направляющего. Можно быть почти уверенным, что все это были чиновники местной хара-хотоской администрации. Среди 78 четко обозначенных и выделенных нами заказчиков — 22 монаха. Очевидно, что большинство заказчиков рукописных книг, книг разового заказа и нетиражированных, были миряне.

Из 58 переписчиков один носит фамилию Вэймин, без указания на то, что он родственник правящего дома (Танг. 334), один — служащий внутренних дворцовых покоев в должности клерка или секретаря (Танг. 349) и один — просто служащий внутренних дворцовых покоев, без указания конкретной должности (Танг. 334). Кроме того, в числе переписчиков 22 человека были монахами. Прочие переписчики никак не обозначены, указаны только их имена. Социальный статус переписчиков, очевидно, был ниже, чем у заказчиков.

Из 10 владельцев книг ни один не имеет чиновного звания, два из них — монахи. Все сверщики текстов — люди тоже не чиновные, один из них монах. Зато среди трех лиц, дозволивших появление книги на свет, двое четко определены как цензоры по службе: «тот, кто разрешил книгу, сочинения просматривающий Ркачэн» (Танг. 64, инв. № 75786) и «цензор, допустивший переписку [книги], Вэйрви Рцзингу» (Танг. 77). Совершенно очевидно, что копирование буддийских книг, их переписка контролировались официальной государственной службой цензуры.

Переводчики не могут характеризовать локальную привязку книги. Из 23 выделенных нами переводчиков все до одного монахи. В этом нет ничего удивительного: буддийские тексты с китайского, тибетского, санскрита на тангутский переводили ученые буддисты, люди, принявшие обет монашества. Пять раз в качестве переводчика выступает монах по имени Хуэй Чжао. Четыре раза он указан как «шрамана Хуэй Чжао» (Танг. 81, 89, 322, 325) и один раз (Танг. 241) с указанием на служебную принадлежность к «Бюро по изучению трех учений (или трех школ)»¹⁹. Еще раз с титулом и

¹⁹ Данное управление встречается и в текстах из Хара-хото на китайском языке как Сань сюэ юань, и, видимо, это было учреждение по переводу и пропаганде основных канонов буддизма, конфуцианства и даосизма.

фамилией как «магистр тангутской и тибетской словесности добродетельный Ли Хуэй Чжао из монастыря „Пять прозрений”» указан он в книге под шифром Танг. 103. К сожалению, из-за стандартности монашеских имен мы не можем быть уверены, что во всех случаях монах Хуэй Чжао непременно одно и то же лицо. Это относится и к переводчику шрамана Фа Хуэй (133). В книгах под шифром Танг. 289 и Танг. 203 он упомянут как «„Святой обители” шрамана», затем в тех же книгах (Танг. 203) указан «знаток Трипитаки, магистр тангутской и тибетской словесности, наставник в законе (*фаши*) шрамана Го Фа Хуэй». Вероятно, это одно и то же лицо. Но в книге Танг. 309 указан «с гор Юйниншань Хуэйцин государственный наставник (*гоши*) шрамана Фа Хуэй», и мы не можем с определенностью идентифицировать его с вышеупомянутым шраманом Фа Хуэй. Дважды в книгах упомянут с одной и той же должностью переводчик Дэ Мяо (Танг. 86, Танг. 252): «оставивший семью, *чэнчжи* управления достойных и заслуженных шрамана Ли Дэ Мяо».

Среди прочих титулованных переводчиков назовем «переводчика книг на тангутский язык, настоятеля, шрамана, носящего красные одежды, Ини Фа Хая» (Танг. 362), ланьшаньского Мудрого и светлого, государственного наставника шрамана Дэ Хуэй (Танг. 126), «знатока Трипитаки с гор Чжи... шань (139), государственного наставника Ян Се И» (Танг. 103), «*фаши* Трипитаки на китайском языке И Цина» (Танг. 176) и Ло Ши (Танг. 171), «проникающего в сокровенное, *фаши*, помощника (заместителя начальника) в управлении достойных и заслуженных Чжоу» (Танг. 195), переводчика «Северных гор скромного шрамана Дэу... Хуэй Мина» (Танг. 179). Обращает на себя внимание тот факт, что подавляющее большинство переводчиков носит китайские фамилии. Была ли это какая-то традиция, или они действительно были китайцами или китайцами по происхождению? Мы не имеем возможности ответить на этот вопрос.

Среди авторов назовем только тангутов, в тех случаях, когда это совершенно очевидно. Авторство большинства сочинений коллекции, сутр приписывалось Будде. Следующую значительную часть книг составляли труды проповедников и комментаторов из монастырей Тибета и Китая, и авторами их были буддисты Китая или Тибета. Поэтому тангуты выступают или авторами комментаторских сочинений, или переводчиками и составителями тех или иных книг. К числу оригинальных тангутских авторов, возможно, относится ланьшаньский монах в звании государственного наставника, с монашеским именем Фа Шицза («Лев Закона») (140). Его

кисти принадлежат явно не канонические сочинения (Танг. 47, Танг. 90, Танг. 397). Возможно, тангутом был автор комментариев на «Бодхисаттвачарьяватару» Бао Шицза («Лев-Драгоценность») (141) с официальным званием «знаток тибетской и китайской Трипитаки». Не раз упоминавшийся в тангутских текстах ланьшаньский просветленный государственный наставник шрамана Дэ Хуэй (142) в списке авторов рукописной книги появляется один раз (Танг. 68) как лицо, по императорскому приказу сделавшее перевод и изложение сочинения *Шэн фому божо синь цзин*. Из авторов, выполнявших ту же работу, т. е. перевод и переложение, композицию текста, подборку из разных оригинальных источников, работавших над текстами конфуцианского содержания, назовем Цао Даоаня (143), возможно китайца, действительного члена Тангутской академии, чиновника в должности чэнчжи в управлении особым районом генерал-губернаторства (*дудуфу*) — областью, расположенной вблизи столицы. Цао Даоань «заново собрал и перевел» «Вновь собранные записки о сыновней любви и почтительности» (Танг. 31) и «перевел и изложил» сочинение, называвшееся «О достойном поведении» (Танг. 36).

Можно назвать еще автора закликательных текстов (Танг. 50, Танг. 90) Юэло (144) и тангутских поэтов, сочинителей од (Танг. 26) — Моюй Гоурци (145), Морцзе Вонго (146), Мбевэй Гоунцэн (147), И ... Динме (148).

Анализ списков заказчиков, переписчиков, сверщиков текстов, владельцев книг, т. е. людей, с большей долей вероятности проживавших в регионе появления на свет рукописной книги, позволяет выявить некоторые фамилии или кланы, состоятельность и образованность которых позволяли им быть в числе первых в деле распространения книги.

Судя по нашим материалам, наибольший вклад в книжное дело района Хара-хото внесла семья Лян (149), представители древнего тангутского рода, упоминавшегося еще до существования Си Ся в китайских сведениях о тангутах. Мы можем указать из семьи Лян шесть переписчиков, семь заказчиков, одного владельца книги, одного редактора и одного сверщика текстов. Монах Лян Рцзеню Шань Жун (150) дважды назван заказчиком таких объемных сочинений, как «Махапаринирвана-сутра», «Махапраджняпарамита-сутра». Упоминаются братья Лян Хаваюй, Лян Хавачэн и Лян Хавачун: один (Лян Хавачэн) как жертвователь и два как переписчики — Лян Хаваюй (текст под шифром Танг. 68), Лян Хавачун (часть текста «Махаратнакута-сутры»).

412 Семья Вэйрви, судя по имеющимся данным, уже бесспор-

но проживавшая в Хара-хото, упоминается по меньшей мере двенадцать раз. Из этой семьи мы встречаем восемь заказчиков, двух цензоров, «лиц, разрешивших переписку книги», двух переписчиков и одного владельца книги. Многие Вэйрви — чиновники, в их числе один официальный цензор, один пограничный эмиссар и один военнослужащий в звании командира марша.

К семье Ехуа (152), тоже проживавшей в Хара-хото, что засвидетельствовано и колофонами, и тангутскими документами из Хара-хото, относятся семь заказчиков и три переписчика. Четыре заказчика и один переписчик происходили из семьи Минбу (153), один заказчик и четыре переписчика из семьи Гунди (154), два заказчика и один заказчик и владелец книги одновременно из семьи Ехэ (155), три заказчика и один переписчик из семьи Ши (156), возможно китайской.

Все эти семьи, как правило, делали большие по объему заказы и, очевидно, были из числа богатых семей региона. Переписка буддийских текстов, как мы уже говорили, считалась благом делом. Бумага, тушь, кисти, работа переписчиков, переплеты — все это стоило больших денег, хотя данных, позволяющих хоть как-то оценить это в стоимостном выражении, у нас нет. Поэтому часто, о чем мы тоже говорили, заказы делались коллективно. Главы 71—80-я сутры *Да фан гуан фо хуа янь цзин* (книга-потхи) были заказаны одиннадцатью лицами, из них, судя по именам, было по меньшей мере четыре монаха, причем пятеро сделали заказ совместно на цзюани 1, 8, 9, 10, шесть человек заказали по одной цзюани каждый (цзюани 2, 3, 4, 5, 6, 7). Главу 10 «Махапраджняпарамита-сутры» (книги-гармоники с наклейками текста дхарани письмом ланджа) помимо генерального заказчика заказали еще 78 человек. Это самый массовый по числу пайщиков из всех известных нам заказов. Фамилии всех заказчиков перечислены в колофоне, 56 из них помечены почему-то кружочками, назначение которых остается для нас пока непонятным. Заказы части текста, особенно многоглавных сутр, были широко распространенным явлением.

БУДДИЙСКАЯ РУКОПИСНАЯ КНИГА

Перевод буддийского канона на тангутский язык и переписка его, безусловно многократная и выполненная в разных монастырях, были грандиозным мероприятием, на которое потребовалось, возможно, значительно больше ста лет. Как мы уже писали, в 1036 г. было введено тангутское пись- 413

мо. К середине XII в. Трипитака, видимо, уже существовала в тангутском переводе, в том объеме, в каком она тогда была на китайском. Думается, что к тому времени еще в значительной части тангутская Трипитака была в рукописи, поскольку, если судить по материалам нашей коллекции, самые объемные сутры так и не были изданы способом ксилографии, хотя наша коллекция, коллекция провинциальная, не показатель. Однако мы вправе предполагать интенсивную переводческую деятельность в XI — первой половине XII в., когда было переведено все или почти все из сокровищницы учения Гаутамы [Kuchanov, 1984] и, как сказано в предисловии к трактату «О достойном поведении», датированном 1188—1189 гг., «Белое Высокое Великое государство (157) уже удерживало господство (158) над Западными землями (159) более 200 лет»²⁰ (Танг. 36).

Чтобы продемонстрировать масштабы переписки и производства рукописной буддийской книги в Си Ся, обратимся к спискам «Махапраджняпарамита-сутры» нашей коллекции. Ко времени появления государства Си Ся она существовала в китайском переводе танского Сюань-цзана в 600 цзюаней объемом в 10 331 лист. Сutra подразделяется на два раздела (первый — 400 цзюаней, второй — цзюани 401—600). Можно полагать, что к середине XII в. тангуты давно и основательно перевели первый раздел из 400 цзюаней и имели перевод второго.

Перевод первых 400 цзюаней сутры имеется в тангутском фонде ЛО ИВАН в нескольких списках:

1. Книги-гармоники, обозначенные в каталоге как гармоники малого формата (28,5×13,5), в синих бумажно-матерчатых обложках, 6 строк по 18—20 знаков в строке, без графления строк и полей, с гравюрой, изображающей Будду, излагающего учение о праджне, и докшита. Судя по колофонам, данный список был переписан в 1152—1154 гг. в крепости Инбао (Инбо). Перевод был сделан ранее, дата перевода и переводчики не указаны, есть только помета о «высочайшей редакции» текста правящим государем Жэньсяо. В цзюани 22 (Танг. 334, инв. № 280) есть по два знака из титула императрицы Лян и ее сына, императора (160), что позво-

²⁰ Сами тангуты вели начало династии и возникновения тангутского государства с момента открытого выступления Тай-цзу (Цзи-цзяня), основоположника династии, против господства над тангутами китайской династии Сун. Это подтверждает справедливость нашего отсчета самостоятельного существования государства тангутов с 982 г., а не с 1032 или 1038 г., дат вступления на престол Юаньхао или принятия им титула императора, и не с 884 г. — момента получения Тоба Сыгуном, предком правящего дома Си Ся, княжеского титула вана от династии Тан.

ляет датировать перевод второй половиной XI в. Основным заказчиком, оплатившим переписку, был Еюй Квию (161), только по сохранившимся пометам он заказал примерно половину текста, и, вероятно, его брат монах Еюй Юйрючэн (162). Во всяком случае несомненно, что данный список был изготовлен в основном иждивением семьи Еюй.

2. Второй список представлен книгами более высокого качества. Он написан на белой, гладкой и плотной бумаге, бумажно-матерчатые синие обложки тоже более тонкой работы, и шелк, пошедший на их изготовление, более высокого качества. Это и понятно. Генеральным заказчиком этого списка был упоминавшийся выше родственник императорской семьи Хуэй Шэн, судя по имени — монах. Созаказчиком был тоже монах Хай Лама (163). Обратим внимание читателя на то, что монашеское имя этого заказчика полностью соответствует титулу Далай-лама (кит. *хай* «море», монг. *далай* «океан»). Этот список представляет собой образец тангутской каллиграфии высшего класса. Мы знаем имя обладателя этого прекрасного почерка, им был монах Вэй Хуэй Бао (164). К сожалению, этот превосходный по исполнению список не содержит сведений ни о времени, ни о месте переписки.

3. Третий список условно назван в каталоге «Списком в желтых бумажных обложках». Здесь мы снова встречаемся с императорским родственником монахом Хуэй Шэном и переписчиком монахом Хуэй Бао, а также заказчиком монахом Хай Лама. Вместе с ними в колофонах указано более 20 заказчиков различных частей текста и много других переписчиков. К сожалению, в этом списке, как и в предыдущем, нет даты и указания на место переписки.

4. Следующий список — это книги-гармоники большого формата с прографленными строками по 7 строк на странице, с узкими полями. Книги в ярко-зеленых или желтых шелковых обложках без узора. Наличие титулов Жэньсяо указывает на дату переписки — вторую половину XII в. Фактически весь список изготовлен иждивением семьи Ехуа (152), отмечены и другие долевы́е заказы.

5. Пятый список, названный «Серия с наклейками письмом ланджа» из-за небольших листов с ксилографированным текстом заклинаний-дхарани на одном из индийских языков, подклеенных в каждой книге на оборотной стороне последнего листа, в синих матерчатых обложках, был изготовлен иждивением уже упоминавшейся нами семьи Лян в 1201 г.

Кроме пяти списков книг-гармоник «Махапраджняпарамита-сутра» представлена еще тремя списками книг-потхи: ма- 415

лого (22,3×44,6), среднего (19×55) и большого (23×62,5) формата:

6. Список книг-потхи малого формата был изготовлен в 1178—1179 гг. Заказчики этого списка разные, зато в цзюани 198 указан владелец книги Ли Чанлань (165).

7. Потхи среднего формата были изготовлены в 1206—1209 гг. Заказчиком этого списка был добродетельный муж, дхьяна Линрю Иикви (166), а владельцем — Рака Чэньюсе (167).

8. Никаких сведений о времени изготовления, лицах и месте появления в свет списка книг-потхи большого формата нет.

Таким образом, первый раздел, или основная часть «Махапраджняпарамита-сутры» из 400 цзюаней, был переписан лишь в одном районе территории Си Ся в течение примерно 60 лет восемь раз.

На тангутский язык был переведен и второй раздел сутры.

Об этом свидетельствует серия книг-свитков большого формата (34×78,5 см), написанных на гладкой белой бумаге высокого качества. Дата перевода этого дополнения к основному тексту сутры и дата создания серии книг-свитков с этим текстом нам неизвестны. Заказчиком книг был монах из семьи Лян, монашеское имя Лян Рцзюню Шань Жун (Танг. 150). Поскольку Лян Рцзюню Шань Жун был заказчиком и списка абсолютно аналогичных книг-свитков с текстом «Махапаринирвана-сутры» (40 цзюаней), изготовленного в 1206—1209 гг., мы с достаточным основанием можем датировать этим же временем или близким к нему и книги-свитки с текстом второго раздела «Махапраджняпарамита-сутры».

Судя по косвенным указаниям, перевод «Махапаринирвана-сутры» также был сделан при одной из императриц Лян, т. е. во второй половине XI в. Кстати, может быть, и этим объясняется усердие семьи Лян в деле выделения пожертвований на переписку сутр.

Помимо списка из книг-свитков «Махапаринирвана-сутра» представлена в коллекции ЛО ИВАН еще в четырех списках: книги-гармоники на желтой бумаге; книги-гармоники в синих обложках с гравюрой; книги-гармоники в темно-синих обложках без гравюры; книги-потхи. Книги-потхи были завершены в 15-й день шестого месяца года лошади; к сожалению, эта дата не поддается отождествлению с нашим календарем. Основным заказчиком книг-потхи была упоминавшаяся нами ранее семья хара-хотоских чиновников Вэйрви (151).

416 В четырех списках (два списка книги-гармоники, два спи-

ска книги-потхи) представлена в нашем собрании сутра *Да-фан гуан фо хуа янь цзин*, состоящая из 80 цзюаней.

Точно так же имеется четыре списка «Махаратнакута-сутры» из 100 цзюаней. Серия книг-гармоник «Махаратнакута-сутры» в синих обложках на плотной бумаге была изготовлена в 1162 г. на средства хара-хотоского чиновника из семьи Вэйрви. Серия книг-гармоник в темно-коричневых обложках не датирована, но, поскольку главным ее заказчиком выступает Линрю Иикви (166), заказавший в 1206—1209 гг. серию книг-потхи среднего формата «Махапраджняпарамита-сутры», можно думать, что и этот список книг-гармоник «Махаратнакута-сутры» появился приблизительно в то же время. Перевод сутры, судя по данным списка книг-потхи формата 32,5×50 см, был сделан во второй половине XI в. Второй список книг-потхи формата 19,5×54,5 см был изготовлен в 1190 г. иждивением семьи Вэйрви, главным заказчиком был пограничный эмиссар, командир марша в гарнизоне Хара-хото Вэйрви Шанька (168).

Приведенные выше данные по четырем наиболее объемным сутрам канона Махаяны убедительно показывают, что они существовали во многих рукописных списках. Перевод их на тангутский язык был завершен еще во второй половине XI в. Можно только жалеть о том, что мы не имеем сведений об этой грандиозной работе, проведенной учеными монахами тангутского государства. Все наши списки принадлежат району их находки — тангутскому городу Эдзина (Хара-хото). Если в этом отдаленном регионе, месте ссылки каторжан, кипела столь интенсивная работа по размножению рукописной книги, то можно представить себе, как широко рукописное дело было поставлено в столице тангутского государства г. Чжунсине (современный Иньчуань), в районе столицы и таких старых центрах буддизма на территории Си Ся, как Лянчжоу, Ганьчжоу, Шачжоу и др.

ТАНГУТСКИЕ РУКОПИСИ И КСИЛОГРАФЫ

Мы уже не раз обращали внимание читателя на то, что тангутская рукописная книга сосуществовала с печатной, ксилографической. Поскольку есть основания полагать, что книгопечатание в Си Ся было делом не монастырским и частным, а государственным, мы вправе предположить, но без полной уверенности, что отсутствие в нашей коллекции печатных книг или фрагментов рассмотренных выше больших сутр свидетельствует о том, что они так и не были изданы ксилографическим способом за годы существования Си Ся. 417

Это было осуществлено позднее, уже монголами. Как это было и во многих странах, первоначально «книгопечатание не охватывало всех сторон духовной деятельности народа» [Мыльников, 1964, с. 40]. Рукописная книга «развивалась параллельно с книгопечатанием и в некоторые исторические эпохи настолько его дополняла, что без ее учета и использования история литературы, просвещения и общественной мысли выглядела бы крайне неполно и обедненно» [Мыльников, 1964, с. 52]. Сказанное полностью относится и к тангутской книге. Ее основной репертуар — буддизм, китайские классические книги (шире — конфуцианская тематика), памятники законодательства, словари и пособия по изучению родного тангутского языка, памятники художественного слова (например, изречения, собрания поэтических произведений), календари, таблицы титулов и должностей и т. п. — представлен как ксилографами, так и рукописной книгой. Можно отметить только одно: если «светская», в данном контексте «небуддийская», книга была, очевидно, чаще печатной, то буддийская книга — чаще рукописной. При этом очевидны случаи, когда рукописные копии делались с печатной книги: например, военный трактат *Сунь цзы* (Танг. 6, Танг. 7) и словарь «Море письмен» (Танг. 14, Танг. 16, Танг. 17), словарь *Цзы цза* (Танг. 19, Танг. 20), «О достойном поведении» (Танг. 36, Танг. 37 и рукопись инв. № 6175, не отмеченные ранее в каталоге), кодекс законов тангутского государства «Измененный и заново утвержденный кодекс девиза царствования Небесное процветание» (1149—1169 гг., Танг. 55) и рукописные добавления к нему «Новые законы года свиньи» (Танг. 56, Танг. 57).

Способы производства рукописной и печатной книги соседствовали, дополняли друг друга. Эти книги не отличались в своих существенных моментах — брошюровке, размещении текста и т. п. Как печатная книга генетически копировала рукописную — «первопечатные книги стремились не отойти от рукописей, а, напротив, приблизиться к лучшим рукописям, но в новой технике». [Лихачев, 1975, с. 3], — так рукописные книги затем копировали печатную.

Производство рукописной книги в тангутском государстве, воспринятое из Китая и от киданей из Ляо, было на высоком уровне и не уступало таковому у означенных соседей. Оно — лучшее свидетельство высокого уровня культуры тангутов и тангутского государства, ибо вся культурная история человечества подтверждает, что «высота искусства книги определяется высотой самой национальной культуры» [Лихачев, 1975, с. 10].

Сравнительное обилие книг, как в монастырях, правительственных учреждениях, так и в частных руках, предполагало известную организацию библиотечного дела. Монастыри, вне всякого сомнения, имели библиотеки, соответствующим образом организованные. Из тангутского кодекса законов мы знаем, что в Си Ся были государственные архивы, процедура поступления материалов в которые, хранение бумаг и пользование ими регулировались особыми правилами. Подобные правила, может быть не на уровне общегосударственного законодательства, должны были быть и для библиотек. Библиотечное дело в монастырях Си Ся, естественно, должно было продолжать таковое в Китае и в близкой к тангутам периферии, прежде всего в монастырях Дуньхуана. Как полагает М. И. Демидова, исследовавшая вопрос о дуньхуанских монастырских библиотеках, книги в библиотеке хранились на полках, в особых футлярах или завернутые в ткань. К каждой связке крепилась бирка с шифром. «Шифр связки ставили на висящий ярлык, прикрепленный к футляру связки, и на обложку каждого свитка. Кроме этого шифра на обложке книги также записывали ее порядковый номер в связке» [Демидова, 1974, с. 23].

Мы уже упоминали о наличии в тангутском книжном деле понятия связки, которое, очевидно, шло от китайской связки в 10 цзюаней (*чжи*). Обозначение принадлежности книги к той или иной связке специальным маркировочным знаком мы встречаем в тангутской коллекции только в больших сутрах, состоявших из многих глав-цзюаней. Небольшие по объему сочинения, отдельные книги никаких следов библиотечных шифров не имеют. Поскольку маркировочные знаки (*хань хао*), «номера ящиков», как называет их проф. Нисиды Тацуо [Нисиды, 1966, с. 598], встречаются только в больших по объему сутрах, вряд ли их можно считать в полной мере библиотечными шифрами наших дней. Эти знаки указывали на принадлежность данной книги к такой-то сутре и определяли ее место в порядке следования глав этой сутры.

В книгах-гармониках эти знаки ставились на обложке — сразу за заглавием книги в ее начале и при повторе заглавия в конце книги — сразу после повтора. Они как бы привязывали данную цзюань к ее связке-десятке. В книге-потхи знак маркировки ставился на каждом листе. И это понятно: книгу-потхи было легче рассыпать. Знак на листе четко относил данный лист к сочинению и указывал его место в нем в совокупности с номером цзюани и пагинацией в пределах

этой цзюани. Таким образом, мы в данный момент склоняемся к тому, что эти маркировочные знаки не являлись библиотечными шифрами в полном смысле слова, а были системой указания места книги в «многотомных» сутрах. Маркировочные знаки должны были удобно запоминаться, желательно составлять связный текст без повторения слов (не случайно в Китае с этой целью использовали *Цянь цзы вэнь*). Уже при первом взгляде на 40 маркировочных знаков, обозначающих 40 связок, 400 цзюаней основного текста «Махапраджняпарамита-сутры», бросалось в глаза наличие двух служебных слов и возникала мысль: не связный ли это текст? Так оно и оказалось. Перед нами очевидное начало мифологического текста о возникновении всего сущего (169):

Не Земля и Небо — источник происхождения [всего сущего],
Пустота беспредельная (широкая), всепобеждающая.
Горы — недр земных вершины,
Духи небесные [там] собираются.
Небесная и земная твердь —
[Наши] батюшка и матушка,
Как счастливая удача, [данная]
В воздаяние за милость,
Яйцо, родящее птенцов, явилось.
Руки еще не были полны (не все еще было исполнено?).
Солнце, луна, звезды
На востоке скрылись, затаялись,
Не были видны.

Можно только пожалеть, что объем сутры не позволил сохранить нам тангутский миф о происхождении всего сущего, весьма созвучный соответствующим тибетским мифам.

В сутре *Да фан гуан фо хуа янь цзин* (80 цзюаней) связи-главы маркируются двумя способами. В первом случае это были восемь знаков, составляющих, видимо, популярное изречение: «Мрак ночи рассеялся — над Восточным прудом взошла луна» (170). Во втором случае использовались просто восемь знаков, составлявшие тангутское написание сутры (список потхи 2). Точно так же маркированы в книге-потхи главы «Суварнапрахаса-сутры», восемь ее глав соответствуют восьми знакам, составляющим тангутское название сутры. То, что в данном случае маркирована каждая глава, с нашей точки зрения, лишний раз подтверждает, что эти знаки служили в первую очередь для упорядочения листов: в книгах-потхи, а потом уже чем-то вроде шифров в много-томных сутрах. Десять маркировочных знаков для 100 цзюаней «Махаратнакута-сутры» пока, к сожалению, не поддаются переводу.

ляют нам детально остановиться на социальном аспекте бытования рукописной книги в Си Ся. Мы не знаем стоимости изготовления книг, но можно думать, что угодное религии и верующему дело размножения «книг истины» было доступно в первую очередь людям состоятельным. Но как любой человек мог сделать хоть малое пожертвование храму, так он мог пожертвовать и на переписку книги, став долевым заказчиком. Имена таковых в большинстве случаев в колофонах книг не упоминались, но что таких лиц было немало, вытекает из самой практики жизни верующих-буддистов. Книги, очевидно, переписывались чаще всего при монастырях писцами — монахами и не монахами. Свидетельств о существовании особых скрипториев при монастырях Си Ся мы не имеем. Не исключено, что все обстояло как и в монастырях Дунхуана, где существование скрипториев тоже лишь предполагают [Демидова, 1974, с. 13, 18]. Книгу читал только грамотный, но хранение в доме текста сутры даже неграмотным человеком было делом благим.

Книги конфуцианского содержания, книги по философии были главным образом в обиходе среди чиновничества и лиц образованных. Книги изречений, стихи могли украсить жизнь каждого, кто был грамотен и ценил свою национальную изящную словесность. Рукописи государственного и административного содержания (законы, краткие конспекты наставлений и указов) являлись неременной принадлежностью административных учреждений и их служащих.

О СОБРАНИЯХ ТАНГУТСКИХ КНИГ

Как известно, тангутское государство, именовавшееся самими тангутами как Белое Высокое Великое государство Ся, или государство (народа) ми, и известное в науке под его китайским наименованием Си Ся, было в 1227 г. уничтожено Чингис-ханом. Тангутская культура погибла, тангутская письменность вышла из употребления и была забыта к концу XVI в., а многоплеменное население тангутского государства в монгольскую эпоху трансформировалось в современное мусульманское население Северо-Западного Китая.

Тангутская книга — впечатляющее доказательство того, что человечество потеряло на своем пути. От культуры, в обиходе которой книга использовалась не в десятках, сотнях и тысячах, а в десятках и сотнях тысяч экземпляров, через несколько сот лет не осталось почти ничего, за исключением отдельных экземпляров книг в монастырях Китая и Японии, 421

и то, как правило, изданных уже при династии Юань после гибели Си Ся. Лишь случайная находка, сделанная П. К. Козловым в развалинах окраинного городка некогда процветавшей страны, приоткрыла завесу над огромной по своим масштабам культурной деятельностью, которая кипела некогда в этом регионе и которая была сведена на нет пожаром войны.

Коллекция тангутской рукописной и печатной книги, хранящаяся ныне в Ленинградском отделении Института востоковедения АН СССР и насчитывающая более 8 тыс. единиц хранения, — самое большое из имеющихся во всем мире собраний тангутской книги. Его важнейшей особенностью является то, что в нем собраны книги, относящиеся непосредственно ко времени существования тангутского государства.

Очевидно, вторым по объему является собрание книг на тангутском языке в Китае. Эти книги хранятся в Пекинской национальной библиотеке и в бывшем императорском дворце Гугун, ныне музее. В основном это ксилографы, изданные уже после гибели Си Ся при правлении в Китае монгольской династии Юань. Отдельные экземпляры тангутских книг хранятся в Японии (Тоё бунко), это тоже, как правило, поздние юаньские издания. Собрание фрагментов тангутских рукописных и печатных книг, их отдельных листов или частей есть в Британском музее. Это то, что в 1914—1915 гг. было собрано экспедицией А. Стейна в Хара-хото уже после посещения этого «мертвого города» П. К. Козловым. Известно, что кое-какие материалы на языке Си Ся (тангутском) хранятся в Национальной библиотеке в Париже. В частности, покойный академик П. Гамбис писал автору настоящей статьи о тексте на языке Си Ся, датируемом началом династии Мин. Эта информация нуждается в проверке. Небольшие фрагменты текстов на тангутском языке имеются среди материалов немецких экспедиций начала нашего века в Восточный Туркестан.